

ПИЭЛЬ

1.

Начальник отдела Вера Архиповна зашла в рабочую комнату тихо: седеющие волосы заколоты простой гребёнкой, поясница перехвачена пуховой шалью из-за обострения радикулита, отчего вид домашний, заботливо-материнский, просто милосердный.

А чего греха таить, она, собственно, такая и есть, для молодых специалистов особенно. Но не для всех.

С Настенькой у них вечный конфликт по любому поводу. Настеньке двадцать восемь, она девица вся из себя очень модная, имеет три года программистского стажа, в ассемблере сечёт – дай бог каждому, но пока в простых инженерах числится, видя в том происки Веры Архиповны, отчего-то не желающей повысить её хотя бы до старшего.

Еле переставляя ноги начальница проковыляла на середину комнаты и здесь остановилась, разглядывая сотрудников преувеличенными глазами из-под очков.

Те озабоченно шелестели свитками программ, бегая авторучками из конца в конец длинных бумажных портянок, и не слишком обратили на неё внимание. Валя Креслина вовсе не заметила: как раз нашла ошибку, которую искала со вчерашнего дня, самую, что ни на есть тривиальную, и в сердцах шлёпнула по распечатке с размаху, будто давая кому серьёзную пощёчину:

– Да что же я за дура такая? А? Кто скажет?

– Валя, успокойся, бумагу не рви, – сочла нужным означить своё присутствие Вера Архиповна. – Значит так, товарищи, отвлекитесь на минутку все ко мне. Есть одно место на месячные курсы, по изучению языка Пиэль, где преподавать будут сотрудники московского центра «Алгоритм». Кто желает ехать?

– Куда? – тотчас заинтересовалась Настенька.

– Куда-куда, как что так сразу вы, Анастасия, и куда? Желающие есть изучить новый перспективный язык высокого уровня в этой комнате? Или нет?

– Тут от старого хоть вешайся, – вздохнула Креслина, – нет, Вера Архиповна, так дела не делаются, вы сначала скажите куда ехать. А вообще у нас Настенька первая на очереди.

– Настенька, – недовольно передразнила её Вера Архиповна, – Настенька туда не поедет. В Тройске курсы. С той недели начинаются.

– Я три года жду! – ужаснулась Настенька, – и вы прекрасно знаете, что мне надо. Во-первых, Москву или Ленинград, на самый худой конец – Киев или Минск, и, во-вторых, срок должен быть не менее двух месяцев, а лучше три. Тройск можете даже не предлагать.

Настя в сердцах бросила резинку, которая заскакала сначала по столу, далее спрыгнула на пол, в направлении начальницы.

Сектор расстроено молчал. Конечно, хорошо бы свалить на месяцок в командировку от этих распечаток, чтобы голова не болела, но... в Тройск? Даже смешно сидеть месяц на курсах в Тройске. Несерьёзно. Кому скажешь впоследствии, так засмеять, может, и не засмеют, но улыбнутся точно, не тот город Тройск, куда добрые люди ездят на курсы. Скука и в магазинах – шаром покати, как во всех прочих нестолицах родимой страны.

На столичных курсах можно командировочное время использовать с толком: обуться-одеться на десять лет вперед. Себе шмуток закупить, семью обеспечить дефицитным импортом и коллектив родной не забыть.

– Что ты, Настя, кричишь? – укоризненно спросила начальница, – не хочешь – не ездят, заставляя никто не станет.

– И не поеду!

– И не ездят. Между прочим, у нас и другие молодые специалисты в отделе имеются. На вас одной свет клином не сошелся. Честно говоря, даже и не думала о такой кандидатуре, там надо на турбазе жить, а какой, Настенька, из вас турист? Ни боже мой. А пошлём-ка мы Николая Петровича?

– Колян, не соглашайся, – развернулась к приятелю Настенька, – потом пять лет никуда не пустят.

– Не, на турбазу можно съездить, – Николай Петрович свернул свою распечатку в трубочку, и посмотрел в нее как подзорную трубу, примеряясь к мусорной корзине для бумаг. – Да если честно, согласен хоть сегодня ехать. Надоел ассемблер выше крыши, хочу на языке высокого уровня работать.

– Колян... ты совсем что ли?

– Николай Петрович, – обрадовалась начальница, – вы у нас молодой специалист, мужчина, молодец. Отдохнете там, накупаетесь, наберёте сил, да еще новый язык выучите. Вернётесь и за работу! А сейчас пойдёмте в первый отдел кое-какие документы оформим.

И тут же нанесла коварный удар невероятной силы, какого в её положении никто не ожидал: с внутренним всхлипом нагнулась, подобрала резинку, вернув на стол Настеньке, прямо под нос положила.

– Сначала разбрасываются канцтоварами, а потом говорят, что вовремя их не обеспечивают.

Настенька фыркнула, однако вынуждена была молчать. Это сражение она проиграла вчистую.

Николай зашел в институтский первый отдел к Олегу Ивановичу, славному ветерану КГБ, ныне дни и ночи проводящему за обитой железом дверью без вывески, в маленькой комнатёнке, перегороженной высоким барьером.

Барьер проходит непосредственно у входа, посетитель на него сразу натывается грудью и застывает. Рабочее забарьерное пространство занято

огромным сейфом, столом, стулом. Всё, больше ничего, кроме седого с золотыми зубами Олега Ивановича в комнатке не помещается.

Сам секретчик живёт на своём стуле практически безвылазно, днём и ночью, в институтских коридорах как бы даже не объявляясь.

Не потерял бы Николай пропуск после неполного месяца работы в конторе, тоже не знал бы Олега Ивановича и его первого отдела, а нынче зашел, поздоровался по свойски, хоть через перегородку, но за руку.

– Что, пропуск нигде не всплыл? – сразу поинтересовался секретчик, демонстрируя отличную память на седьмом десятке.

– Нет, – ответил Николай, – основательно утонул.

– Молодцом!

В прошлый раз пришлось объяснительную писать под диктовку Олега Ивановича, очень экзотично разрисовав пропажу документа. Сам Николай считал, что сгрёб его со стола вместе с бумагами да выкинул в мусорку. Куда еще мог подеваться? Но в мусорке пропуска не обнаружили, как не рылись всем трудовым коллективом. Потому в качестве рабочей пришлось брать гипотезу, предложенную Иванычем.

– Пиши, – сказал тот раз Иваныч, разминая большими пальцами папиросу “Беломорканал”, – я, такой-то такой-то, написал? Вчера, дату ставь, в одиннадцать часов тридцать две минуты пошел в мужской туалет...

На такую формулировку Николай закапризничал было:

– Олег Иванович, женский в принципе не посещаю, и по минутам жизнь не наблюдаю, сразу же видно – враки.

– Поговори мне ещё, – нахмурился секретчик, – много ты понимаешь в нашем деле, здесь точность – главное! Если потерял документ, то должен показать, что хоть находился в трезвом уме и твёрдой памяти, – так... – беллетристический талант Иваныча иссяк, он принялся чесать бугристый нос жёлтым прокуренным ногтем.

– ... в мужской туалет, – написал и скучным голосом прочёл ему Николай.

– ... пошел в мужской туалет, – с воодушевлением подхватил кэзбист в отставке, – и в момент ... нет, этого не надо... пошел в мужской туалет и случайно обронил пропуск в унитаз. Пропуск упал, а я в это время как раз спустил воду. Дата, роспись. Давай сюда. Новый получишь завтра с утра. Если старый где найдёшь, никому не говори, даже мне, разрежь на мелкие кусочки и спусти в мужской туалет, понял?

– Может лучше сжечь?

– Что тебе старшие товарищи говорят, то и делай.

– Ладно. Спасибо, Олег Иванович.

На сей раз начальник первого отдела заставил расписаться в куче бумаг, и выдал всего одну справочку, гласящую, что он, Николай Петрович, допущен к работе с документацией второй группы допуска.

– Может потребуется, а может и нет, – объяснил Иваныч, – но раз инструкция требует оснастить в командировку этим документом, я выполняю. Значит так, если будешь у них работать по секретке, эту справку

у тебя изымут, но обязаны взамен выдать свою, что эту забрали, понял? Ты не забудь требовать, а то знаешь сколько дураков в нашей системе работает? Ого-го-го!

– Да какая там секретность, Олег Иванович, основы программирования на новом языке. Может, не надо?

– Надо, Федя, надо, – отшутился бывалый пенсионер, – инструкции не зря писаны. Всякое в жизни может случиться, даже война. Если что, с этой справкой любой военкомат тебе бронь оформит в семьдесят два часа, а так на фронт в двадцать четыре пойдёшь. Чуешь разницу? Так вот, а если не потребуется, справку обратно привезёшь и снова сдашь мне здесь лично под роспись. И не дай бог её потерять! Лучше паспорт потерять, чем эту справку, тогда одним унитазом точно не отделаешься, можешь даже и не сомневаться. Эта справка, как твоя честь. Береги честь смолоду? Кто сказал?

– Пушкин.

– О, грамотный. Молодец, хорошая у нас молодежь подросла, иди, у меня работы по горло.

От своего отдела Николай Петрович ехал в Тройск один.

Из двенадцатого вместе с ним отправилась учиться Пиэлю малознакомая коллега неопределенного возраста по имени Соня: высокая, бледная, с голубоватой тонкой кожей, из-под которой просвечивалась на руках и голове кровеносная система, а еще из тринадцатого отдела весьма бойкая программистка Мара.

Всему коллективу хорошо известно, что в Мару влюблены три электронщика по меньшей мере, да пятеро программистов, среди которых имеются и давно женатые, приличные люди. Сей ажиотаж Коля не разделял.

Возможно кто и считает её необыкновенно красивой, а по мнению Николая Петровича цвет лица чрезмерно темноват, причем не мулатской привлекательной шоколадностью, а некой нездоровой серостью, потаённые глазки большей частью опущены, даже когда шутит напропалую. Хотя есть в них нечто. Цвета толком не различить за густыми скромными ресницами – вуалями, но вот однажды Николаю почудилась среди бела дня в столовке такая штука: глаза Мары блеснули двумя фонариками.

Подобное световое явление случается наблюдать в телевизоре, когда, скажем, львиный прайд снимают на камеру в свете прожекторов ночью, вокруг туши убитой ими зебры. Светло, как днем, а глаза у царственной семейки всё равно полыхают огнями. Вот такой кошачий огонь высветился среди обеденного перерыва и у Марочки, хотя ела она не зебру, а всего-навсего котлету по-пожарски с тушёной капустой.

Провожать её на вокзал пришел муж: высокий блондин, с подозрительным взглядом целлулоидно-жёстких глаз. Этим взглядом он прицепился было к Николаю, но тот решил не выстаивать лишнее на перроне, залез в вагон, где занял свое купированное место, согласно

имеющегося билета, и принялся в окно смотреть, кто там как прощается. Занятное, между прочим, дельце!

Коля не предполагал прежде, что Мара замужем, очень уж весёлая была девушка: со всеми шутки шутит, намёками говорит, а тут, оказывается, ребёнок есть лет пяти. Так что совсем взрослый человек с биографией.

Соню при посадке опекала многочисленная престарелая родня: бабушки, дедушки, тётки, дядьки, трудно даже разобраться, кто из них настоящие родители. Обнимались всей компанией человек в десять, и не смотря на то, что дождя, вопреки прогнозу, с утра не было, на Соне оказался голубоватый полиэтиленовый дождевик, который она не подумала снять. Но вообще-то погода выдалась не жаркая, так что смотрелся дождевик вполне нормально – как раз в тон голубоватому лицу.

Соня изредка появлялась в тёмных коридорах испуганно-прямая, бледная, неприступная, точно крепость Измаил в досуворовский период. Что довольно странно: ОКБ их есть закрытый почтовый ящик, на входе серьёзная охрана, никого постороннего в коридорах днём с огнём не сыщешь, кого боится? Первоначально Коля пытался кивать при встрече, в одной же конторе трудятся, неудобно дефилировать мимо с каменными лицами, но коллега смотрела удивлённо и он перестал заниматься глупостями.

В областной город Тройск прибыли к вечеру, и скорей бежать на автобусную станцию, что по соседству с вокзалом находилась, покупать билеты до турбазы “Лесное озеро”.

Обыкновенно, попадая в любое народное скопление, в Колины глаза ненароком бросаются самые интересные девушки, это у них как-то само собой получалось, в автоматическом режиме: посмотрел – увидел, посмотрел – увидел, ещё посмотрел и снова увидел, настроение при этом улучшается ровно в три раза.

Потом, из нескольких примечательных особ выбирается вне всякой логики самая замечательная и вот от не ё взгляду действительно трудно оторваться, разве через силу, но в данном случае, после того как они вошли в здание автовокзала, события приняли совершенно иной оборот.

Худенькая девица в чёрных джинсах, темно-линялой футболке, с сумкой через плечо, стриженная под мальчика, не сказать, что очень симпатичная, стояла у расписания автобусных маршрутов, имея на лице растерянное выражение, словно бы готовая уехать куда угодно и с кем угодно, в любую сторону, пригласите только, а движение взяли и полностью отменили из-за непредвиденных чрезвычайных обстоятельств. Рядом у ног, на шлифованном из мраморной крошки полу, стоял чемоданчик цвета её джинсов.

Именно эту вполне заурядную девицу с каштановой жиденькой чёлкой, небольшими карими глазками на узкой физиономии взгляд выхватил сразу, и не пожелал более шнырять по толпе, в надежде найти что получше. Очень уж растеряна. И глазами: хлоп! хлоп! хлоп! Смешная. Рот раскрыт, будто у клоуна безработного. Почти дурочка. Натуральная, от природы такая, нигде не училась.

Они тоже подтянулись к доске с расписанием, и здесь неожиданно выяснилось, что первый и он же последний автобус до турбазы “Лесное озеро” давно укатил, следующий будет только завтра утром. Коля вдруг поймал себя на том, что лицо его начинает преобразоваться в соответствии с портретом незнакомки, по образу и подобию: глаза выпучиваются, рот открывается, но сказать ничего не успел, опередила всё та же незнакомка в чёрном.

– Вы на турбазу? – обрадовалась она, неуловимым образом сменив глуповатое выражение на сообразительное, – здорово! Меня Надин зовут, я на курсы программирования туда еду.

Последние слова произнесла совсем весело.

– И мы на курсы Пиэля, – обрадовалась Марочка, будто старая бабушка очередному прибавлению семейства.

– Шикарно звучит “Пиэль”? Да же? Будто птичка поет: пи-эль, пи-эль. Я лично из-за одного красивого звучания поехала бы.

– Надежда? – уточнил Коля.

– Нет, Надин.

– Француженка что ли?

– Нет, русская Надин.

– Тогда зовите меня Николая. Исключительно для вас.

Он ещё раз внимательно осмотрел девицу с ног до головы, ничего замечательного в ней на отыскать не смог и удивился.

– Что же будем делать? – поёжилась Сонечка под голубоватым дождевиком, когда они вышли на улицу, и оказавшемся ныне весьма кстати, ибо начал накрапывать дождик.

– Давайте скинемся на такси, – предложила энергичная Надин, – пусть отвезёт до “Лесного озера”, чего нам здесь на чемоданах утра ждать?

– А вдруг не довезёт? – спросила дрогнувшим голосом Сонечка.

– Или не туда отвезёт, – подхватила Мара, – мы никого не знаем, нас никто, завезут и концы в воду.

– В лесное озеро какое-нибудь, – трагически выдохнула из себя Соня, будто уже идя на дно, в глубины.

– Так с нами же это... мужик... вроде есть, – новенькая в их компании посмотрела на Николая вопросительно.

Но спутницы-коллеги не почитали Колю за настоящего мужика, поэтому решили, что во всех отношениях надежнее будет устроиться на ночь в гостиницу. Предприятие потом оплатит расходы и все дела.

Прохожие пояснили молодым командированным гражданам, что в Тройске имеются две гостиницы: “Спутник” и “Турист”.

На автобусе поехали в ближайший “Спутник”. Там вежливо, без всякого хамства им подробно объяснили, что мест нет и в ближайшие дни не предвидится: на двух этажах расселилась научно-практическая конференция по недавно откопанному из вечной мерзлоты мамонту, но “Турист” совсем близко, на той же центральной улице, можно даже на автобус не тратиться.

Однако путешественники направились с чемоданами на остановку.

Смеркалось. Дождик помаленьку шлёпал, зато автобусы не показались на горизонте даже смеха ради. Пришлось топтать в “Турист” пешком, уже в темноте и по лужам. Так грязные и вымокшие они пристыженно втащились в сверкающее огнями хрустальных люстр здание гостиницы. Здесь с ними отказались даже разговаривать насчёт свободных мест.

– Что вы, что вы, у нас мамонтоведы на всех этажах, даже из Японии учёные международные приехали! Куда вас селить? (Таких мокрых и грязных?)

– Можно посидим в холле?

– Только до одиннадцати. Потом закрываемся.

Они почли за лучшее искать шанс на улице. Невзирая на глубину неведомого лесного озера, решено было вернуться к первоначальному варианту, предложенному Надин – ловить такси и ехать на турбазу. Встали на пустынной остановке такси и долго ждали машины с шашечками. Резвые таксисты проносились мимо, даже не притормаживая.

Вымокли до последней нитки и в свете фонарей сделались одинаково похожи на несчастную Сонечку вытянутыми, мокрыми, будто заплаканными лицами с голубыми щеками.

Наконец подъехало долгожданное такси. Из дверей высунулись холёные грузины с многочисленными золотыми печатками на пальцах – дельцы чёрного рынка, рыскавшие в поисках сырья для своих подпольных закавказских фабрик и обитающие при местных гостиницах. Позвали девушек в ресторан.

Девушки срочно забаррикадировались за чемоданами. Коля гордо ответил:

– Нет.

– Ну и дурак, – сказала такси, – и ты бы свое получил.

После чего уехало.

Но следом чуть им не на ноги наехали два других, переполненные жаждущей развлечений клиентуры с Кавказа, открыли дверцы, принялись оценивающе цокать на своём языке, хмыкать, изучать обстановку.

– Это слух прокатился по району, – нервно хихикнула Надин, – три новые девицы с сутенёром объявились. Мужчины хотят нас снять. Никола, надеюсь по дешёвке не сдадите?

Сонечка бухнулась на свой чемодан, разбрызгав лужу и закрыла лицо руками.

– На Колю надежда есть, но небольшая, – задумчиво молвила Мара, оглядывая пустынную площадь, быстро тонущую во мрак ночи, с выражением женщины, знающей почём фунт изюма на местном базаре, – до утра нам здесь не продержаться, увезут. Пойдемте обратно в гостиницу.

– Не пустят.

– Дэвушк, а дэвушк, сколько счас вэрэмя?

– Пустят, – обозлился Коля, проникнувшись ответственностью защитника-мужчины, на которого подзащитные не слишком надеются, – пусть только попробуют не пустить, дебош устрою!

– В милицию заберут.

– Там и переночуем.

Они снова втащились в холл, сверкающий чистотой, мрамором и хрусталём. Коля нагло рассадил мокрых девиц на мягком диване, после чего двинулся с паспортами и деньгами к администратору. Предстояло первый раз в жизни давать взятку официальному лицу.

Администратор не поднимала головы из-за таблички МЕСТ НЕТ.

И тут, на подходе к её стеклянной амбразуре, его внезапно осенило. Он вытащил из паспорта бумажку Олега Ивановича о допуске к государственной тайне второй формы свежести, с размаха шлёпнул перед дежурной.

– Срочно соедините меня с КГБ по вашему телефону!

– Зачем это? – удивилась администратор, скосив глаз на справку.

– А затем, что при нас находится секретная документация, если с ней что-нибудь случится, отвечать придется вам лично, за то, что не поселили на ночь. Товарищи из КГБ сейчас вам прояснят ситуацию до предельной ясности. Соединяйте, девушка, соединяйте!

В девушки администратор не годилась по возрасту, но Николая предпочел слегка обнаглеть. Отступать некуда: позади жмутся на диванчике не поднимая глаз мокрые, замерзшие, испуганные коллеги.

Пусть за дебош везут в милицию. И вообще, сутенером он уже побыл сегодня, почему бы для разнообразия не принять вид тайного курьера КГБ, который ездит грязный и мокрый по холодному вечернему Тройску со сверхсекретной документацией государственной важности? Вторая форма допуска – это вам не баран чихал! Николай не сводил упорно–решительного взгляда с недоверчивого носа администраторши. Она сомневалась целую минуту чисто по-женски: сначала презрительно-холодно не верила всему тому, что он сказал полностью. Затем, с подозрительным выражением вглядывалась: обманываете, да? Потом, широко распахнув большущие, но увядшие глаза: шутите? Зачем вам это? Ей КГБ с ОБХСС здесь не нужны, на ночь глядя ни под каким видом, и наконец сдалась на милость победителя – с хмурым видом сунула листы, заполнять анкетные данные.

Через пять минут их расселили по царски. Для каждого тайного агента нашёлся отдельный одноместный номер-люкс. Несколько даже чрезмерная роскошь, но отказываться никто не стал. Раскошелиться пришлось весьма серьёзно, зато какая ванная комната! Какая кровать! И фирма возместит расходы! Девчонкам Николай не стал объяснять секрет своего успеха, сказал только, что уговорил, а на какой почве – государственная тайна.

Утром Надин шутила, когда подсаживал её в автобус:

– Скажи честно, Николай, почему купил администраторшу? Мы скинемся в пределах разумного.

– За так.

– Тогда я с тобой играю. Сядем вместе?

2.

Почему бы и нет? Надин довольно поёрзала в кресле у окна, причесала перед зеркальцем чёлку, наклонилась к уху Николая и, прикрыв для дополнительной секретности ладонью рот, спросила:

– Трудис-ся где?

– В ОКБ.

– Областная клиническая больница? Нет, постой, сама расследую по внешнему виду. Тэк-с, областной кинологический барак отпадает. Вижу-вижу, не оттуда, уже хлеб. Особый кремлевский батальон... увы, нет...

– Отдельное конструкторское бюро.

– Всего-навсего отдельное? Назвались бы Особым Конструкторским Бюро и то лучше звучит: “Кем работаешь? – Особистом!” У всех приступ немоты, глубочайшего почтения, допвопросы отпадают.

– А ты где и кем?

– Ещё не допёр, милоч? Тугодум, однако, Николай. Я же следствие при тебе провела по всем правилам... в милиции трудим-ся, деточка, в милиции. Физмат педовский окончила, в методах дедукции – индукции, знаешь как шпарю? У меня подружка в прошлом году то же самое высшее образование получила и распределилась в милицию работать при детской комнате, с подростками. Вот я нынче по её стопам нацелилась жизнь свою построить в этом праведном направлении.

– Нравится ей?

– Ой, не говори, ещё как, за уши не оттянешь от детской комнаты милиции, пока на носилках доктора не вынесут. Она даже аттестовалась, на курсы полугодовые съездила, погоны надела с двумя звездами, жалованье ей офицерское платят, довольствие идёт, паек получает, форма казенная: летняя, зимняя, парадная, суточные или что там у них еще? Короче не жизнь – сплошной сахар-рафинад мелкими кубиками. Представь, целую новую двухкомнатную квартиру под детскую комнату выделили. Функция у неё по специальности, самая что ни на есть педагогическая – перевоспитывать подростков. Зарезал кого подросток до 18 лет, или напал – ограбил, или просто изнасиловал – убил, или не смог пока убить, недодушил маленько, силёнок у бедного подростка не хватило, их же в тюрьму нынче не сажают, сначала перевоспитывают на месте, в детскую комнату приводят малолеток. Вот она с ними там и беседует в определённые часы, уму разуму учит.

И как на грех в первый же день работы забрёл к ней в комнату пьяный бродяга, попить попросил, ну она и дала ему, дура, графин со стаканом. Он напился, графин разбил о подоконник и давай за ней по кабинету гоняться с горлышком наперевес, орать: “Порежу суку ментовскую!”

Хорошо, сумела выскочить на улицу и как раз милицейский газик подошёл с ворами-малолетками для перевоспитания. Ой, как она тем малолеткам обрадовалась! Ладно, повязали милиционеры идиота, увезли. А

подружка стала с тех пор, как придёт на рабочее место, сразу на ключ закрывается. Сидит в своей детской комнате мышкой тихо-тихо, никому постороннему не открывает. Потом на курсы съездила офицерские, снова осмелела, психологически её там подковали никого в принципе не бояться, приехала девушка, форму одела с новыми погонами, перестала закрываться. Недавно на пенсию вышла.

– На пенсию? Ты же сказала, что в прошлом году только институт окончила.

– Она по инвалидности, производственная травма случилась на месте службы. Прямо в той же самой детской комнате для несовершеннолетних. Перевоспитывала одного несовершеннолетнего, разнервничалась настолько, что промахнулась – села мимо стула. Да неудачно, копчик себе сломала.

– Да...

– Что да...? Рано еще дакать, слушай, что дальше было. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Лежит девушка-лейтенант на полу в своей детской комнате со сломанным копчиком, а в этот момент заходит старший уполномоченный капитан Овечкин, по кличке Майор Вихрь. Который везде двери сапогом отворяет, и в подвал когда врывается с облавой на малолетнюю шпану, и в квартиры алкашей-самогонщиков и даже кабинет начальства тем же образом вскрывает. И тут, конечно, как звезданёт сапожищем и той дверью прямо ей по голове пришлось. Вот теперь да, всё то есть. Копчик сломан, голова пробита. Инвалидность сразу дали без разговоров, ручкой помахали во след: идите девушка, идите, отдыхайте...

Замуж пенсионеркой уже вышла. Поняли, молодой человек, в какой серьезной структуре трудим-ся?

– А зачем тебе, в таком случае, по её следам топать? На пенсию хочешь сразу из детской комнаты угодить?

– Нет, я служащей программисткой буду в управлении сидеть. Мне звёздочек с погонами сто лет не надо. Я здесь месяцок прокантуюсь, корочки московского центра получу, и начну спокойненько программистом ведомости на принтере распечатывать, сводки и отчёты ляпать на языке Пиэль. Понял, дорогой?

– Всё равно осторожнее себя веди. Мимо стула не садись, не ровён час Майор Вихрь в гости пожалует.

– Не нужен нам нынче Вихрь. Без интереса мы к нему, на подружке женился, значит вино искупил полностью. А ты заходи как-нибудь в гости, напою чаем с сушками да вареньем смородиновым. Любишь, небось, чай с вареньем? Ну вот, с этой горячей любви, пошвыркивая да причмокивая и начнём совместную сладкую жизнь строить.

3.

Должно быть с высоты птичьего полёта турбаза “Лесное озеро” смотрится последним оплотом цивилизации в бескрайнем таёжном массиве, уходящим к самой тундре. А из окна автобуса выглядит вполне обыденно и советскому человеку привычно: высоченный глухой зелёный забор, большие ворота, над ними плакат “Добро пожаловать!”. Среднее арифметическое между пионерским лагерем и психбольницей.

Заходишь в те ворота и сердце мгновенно наполняет радость: здесь есть асфальтовые дорожки!

Кроме них бесконечно греет душу кирпичная, оштукатуренная и белёная синей известью столовая, хозкорпус, ровные, как по линейке ряды коттеджей, пляж на озере с белым песком и двумя скамейками, а не радуют комары, комары, комары.

Комаров более всего, просто тучи несметные набросились на новеньких. Теперь ясно откуда закралась мысль о психбольнице: только в голову очень неуравновешенного человека могла явиться идея построить турбазу на болотах.

И они особенные, эти местные зомби. Обычный комар расстаётся с жизнью легко, беззвучно: шлёп – и мокрое место от него, с кровью. Местные гибнут с отвратительным хрустом и треском.

Они здоровенные, рыжие, костлявые. У них прекрасно развит плечевой пояс, крепкая горбатая спина, мощные ноги. Кожу дырявят длинными толстенными иглами, протыкая грубо, как пьяный ветеринар старую клячу.

Пока Николая бежал в обнимку с двумя матрацами (своим и Сониным) от склада постельных принадлежностей до коттеджа, комары изрешетили шею и руки, а ответить им ничем существенным он не мог.

Через территорию турбазы стрелой проходила главная асфальтовая аллея – широкий проспект с неоновыми фонарями и голубыми елями, от которой ветвились дорожки-улицы, вдоль которых располагались новенькие щитовые коттеджи. За их коттеджем номер восемь стоял номер девятый и номер десятый, далее улица круто ныряла вниз, в сырую зелёную лощину, несмотря на разгар дня, до краев заполненную густым сизым туманом.

Из тумана торчал край длинного общественного умывальника: труба с многочисленными сосками и водонапорная бочка над ней.

Новоприбывшую группу поселили в смежных комнатах коттеджа, заняв одну его половину, имевших разные входы, но соединенных узким тамбуром, в котором хранились ведра, швабры и тряпки. Девчонки втроём заняли свободную шестикоечную комнату, Коля попал четвертым в мужскую компанию того же шестиместного размера.

Один человек жил в ней давно, с весны, звали его Герасимычем. Лет приблизительно сорока пяти, с красно-примороженным лицом, приехал из

Якутии. Он с удовольствием изучал в таёжном московском центре технологию автоматизации алмазной промышленности.

За кроватью Герасимыча в углу стояли несколько удочек, а кровать, сапоги и весь он сам пропахли свежей озерной рыбой.

Пышнокудрый, явно лысеющий замначальника кубанского ВЦ мелиорации Красилов располагался на соседней койке, рыбой не пах, несмотря на то, что по работе был связан с водой. Он приехал изучать язык высокого уровня Пиэль. Его кубанское ВЦ занималось планированием подачи воды на рисовые чеки, Красилов сидел на заправленной кровати с бумагой, чертил клетки и думал над задачей оптимизации полива, осторожно перебирая длинные каштановые пряди на голове, щуря симпатичные, слишком серьёзные глаза.

Ещё одним соседом-пиэлистом оказался хромоватый Володя Гофман из Казахстана, прибывший на одном автобусе с Николя. Володя очень долго, аккуратно и даже нудно заправлял свою кровать. Сделать это ему не просто с тростью-костылем, однако он старался, в конце концов достигнув геометрического совершенства. После чего присел на стул и, не выпуская ни на минуту палки из рук, рассказал, что его отправили на курсы с условием отработать впоследствии на Пиэле три года. Гофман был доволен, что смог пробиться на московские курсы из Казахстана. Он принялся дотошно выспрашивать старожилу Герасимыча, как ему живётся – поживается на турбазе.

– Рыбалка здесь на зависть, – поделился радостью Герасимыч и его лицо, обожжённое якутским медным загаром, расцвело, – места есть замечательные. Завтра сходим на утреннюю зорьку, порыбачим, сами увидите.

– У нас с восьми занятия, – отказался Володя, сидя на стуле и поигрывая красивой тросточкой с искусством японского самурая.

– До восьми успеем ведро карасиков надёргать, – продолжил улыбаться Герасимыч своим приятным озёрным воспоминаниям, – фирма гарантирует.

Вдруг в тамбуре раздался шум, кто-то сильно пнул пустое ведро в темноте, что врезалось в их дверь, но дверь не распахнулась – была закрыта на шпингалет. В грохоте раздалось негромкое: “Ой, мамочки, да что же это?”. После чего застучали.

Коля оказался у шпингалета первым. В комнату ворвалась Надин, тараша круглые глазёнки закричала:

– Есть здесь врач? Соне плохо!

– Врач есть, – вспомнил Красилов, – я узнавал, у него медпункт по расписанию работает в хозкорпусе, а сам он живет в первом коттедже. Давайте схожу, приведу, раз такое дело.

Остальные ринулись на женскую половину смотреть умирающую Соню. Даже Гофман в качестве замыкающего долго боролся костылём с пустым громыхающим ведром в узком проходе, пока не пробился к свету.

– А что с ней? – спросил Николая, увидев Соню не в судорогах, но вполне самостоятельно сидевшую на кровати, и недовольно зыркавшую исподлобья на толпу, окружившую её со всех сторон.

– Пухнет на глазах. Смотрите, какой лбище вымахал.

– Лоб как лоб, – рассудительно произнёс Герасимыч наклоняясь и рассматривая голову потерпевшей с близости, – зря, девушки, паникуете. Немного комары покусали, подумаешь, к завтрашнему дню всё пройдёт, даже и не вспомните. Надо просто мазаться погуще от них мазью. я каждый день полтюбика извожу, а иначе нельзя – съедят на рыбалке заживо. – Он отмахнулся от кого-то. – Видали какие кастрюли летают? Сплошная хроника бомбардировщиков.

Лоб у Сони действительно оплыл подушкой, нависнув над глазами. Взгляд затравленный и отчуждённый.

– А это тоже пройдёт? – пискнула она, протянув две свои руки вперёд.

Одна тоненькая синяя спичка, а другая от запястья до локтя раздулась лиловым шаром, до того поразительная картина, что присутствующие открыли рты.

– Да, тут надо врача, – вздохнул Герасимыч, вежливо отворачиваясь. – Сейчас принесу крем.

– Ваш крем от комаров так противно пахнет, и липко от него до невозможности.

– Ничего, зато будем клеить мужиков, – хихикнула Надин. – Несите мне, я помажусь. Николая, где ты там, подходи, клеиться будешь.

Врачом оказался спортивного вида седоватый мужчина в тренировочном синем костюме и кедах. На шее болтался стетоскоп. Он быстро осмотрел руки и лоб.

– Вероятнее всего аллергия. Что кушали сегодня?

– Ничего! – с отчаянием вскричала Соня.

– Мы на завтрак опоздали, – пояснил Коля.

– Тогда возможно пыльцы цветущих трав нанюхались, – выдвинул очередную гипотезу врач, весело блеснув золотыми зубами в сторону Мары, июль – самое время.

– Комар костистый меня укусил! – взорвалась Соня, – сейчас же уезжаю, ноги моей здесь не будет. Коля, несите, пожалуйста, постель обратно, сдайте завхозу!

– Аллергия на комаров? Что-то не слышал такого прежде. Вот что, товарищи, надо ехать в городскую больницу, там возьмут необходимые анализы и определят причину аномалии.

Но Сонечка не желала более подвергать себя укусам местных колючих тварей, путешествие подкосило её окончательно, и она уехала обратно в город с вещами на турбазовском автобусе.

– Так, одним негритёнком меньше, – сказала Надин, осмотрев прочих, словно проверяя: кто следующий?

– А пойдёмте на озеро сходим до обеда, – предложила Мара.

– Давайте. Только учтите, я не донор, оденусь поплотнее, чтобы избежать участи бедной Сони. Коля, давай ты будешь другом моего трудного детства? – Надин потупилась, надула щечки.

– Как это?

– Если вдруг меня укусит неизвестного вида насекомое, и я тоже распухну и умру на твоих коленях, то ты, как друг трудного детства оросишь меня горькими слезами.

– Почему на коленях? У тебя же койка есть.

– Умиравших юных девушек принято носить на руках, хоть раз-то в жизни! Кино не смотрел разве? Да не бойся, пронесёшь несколько метров по берегу озера, большого, как море, потом опустишь, но не на землю, а на свои колени и будешь сдержанно орошать скупыми слезами. Крупным планом. Давно мечтаю так умереть.

– Так ты героиня? Предупреждать надо. Не, на коленях неудобно держать, лучше на койку отнесу.

– О, самое то место, самое наше. Замётано.

Провожатым по местным окрестностям наладился Герасимыч, приятно благоухающий неизвестным спиртовым напитком, не водкой, не коньяком, и не самогоном, но тоже крепким. Следом шли Красилов и Володя со своей японской тросточкой.

Герасимыч показал озеро с песчаным пляжем и небольшой пристанью для весельных лодок. Ближнюю сторону озера окружал сосновый бор, с примесью елей, дальнюю – толком не разглядеть.

– Здорово нам будет здесь отдохнуть! – воскликнула Надин, – если погоды дождемся.

– А то, – энергично поддержал Герасимыч, – рыбалка у нас, девушки, высший класс. Я утром беру лодку и заплываю во-н-н к тем кустам. Видите на горизонте? Там карась берёт с пяти до шести, но никому, ясно? Это государственная тайна. Разглашаю исключительно для своих. А самое удивительное во всей местной истории другое обстоятельство, вода на середине озера – всегда теплая, хотя по краям вполне обыкновенная. Говорят, со дна геотермальные источники бьют. Ах, как хорошо плавать на середине ночью, под луной!

– Вы что, плаваете ночью? – не поверила Надин. – И с кем же, интересно знать?

– Один на лодке рыбачу, но видел ближе к кустам на другой стороне таких русалок, пуда на три-четыре каждая!

– Таймени что-ли? – проявил неподдельный интерес Красилов.

– Какое! Блестящие хвостаые девицы. Удочку к ним поближе забрасывал с бутербродом – не клюют, требуют бутылку отдать. Но ром на их брата переводить жалко, ей богу! О, гляньте, баб... то есть женщин сколько привалило, как из рога изобилия!

От хозблока к коттеджам проследовало сразу человек двадцать девушек с матрацами в обнимку.

– Соседки, – отмахнулся Красилов, мысленно анализирующий идею развести на подведомственных рисовых чеках тайменей. – Туристки, наверное.

– Какие туристки, ваши это, не видишь что ли?

– Не вижу, да и как здесь отличить туристку от курсистки?

– Облысел уже, а вопросы задаешь детские, глаза-то разуй: туристка с рюкзаком ходит да туристом на пару, а курсистка с матрасом.

– А есть очень даже ничего.

– Уже высмотрел? Быстро! Тогда извини, беру свои слова обратно.

В столовой Коля сел за стол к Наде с Марой. Ещё одно место у них осталось свободным, но Гофман с Красиловым расположились за ближним соседним, Герасимыч столовую вовсе не посещал.

– Смотрите, а здесь как в приличном месте, – поразилась Мара, – и супница фарфоровая. – Надя, разливай первое, обслужи в первую очередь голодного мужчину.

Надин взяла поварешку.

– Главное – кушай хорошо. В мужчине что главное? А? Не знаешь? Аппетит!!!

– В мужчине главное, чтобы любил, – поправила Мара, – свою жену и детей.

– Так у него жены пока нет. Вот будет жена, да пусть любит на здоровье, разве кто против? Любить всегда, любить везде, до дней последних донца! Ты кушай, Коля, кушай и нас с Марой слушай. Мы тебя плохому не научим, мы девушки серьезные, ответственные. Хочешь, танцевать обучу стильно? Будешь на танцах любых девиц запросто кадрить, без проблем. Значит так, сегодня после ужина идём на танцы, прямо в этом же корпусе, далеко топать не придётся.

– Нет, Герасимыч на рыбалку звал, на вечернюю зорьку.

– До вечерней зорьки знаешь сколько воды утечёт? Все ноги оттоптать успеешь! Ну, рассуди, разве могут приличные девушки, такие как мы красивые, и во всех отношениях приятные, посещать танцы без кавалеров? Будешь прикрытием, не навсегда, а временным. Пока не обзаведёмся другими прикрытиями.

Мара пленительно улыбнулась.

– Правда, Коля, сходи с нами.

– Да, не бросай на растерзание местным шакалам – пенсионерам. Вон глянь, какие песочницы сидят за столиками, ужас просто! Я, наивная, ехала думала здесь турбаза настоящая, туристы-альпинисты стадами бродят, а тут опять богадельня имени старых большевичек вырисовывается! Николая, ты цивилизованный человек?

Коля согласился пару часов побыть цивилизованным и после ужина они втроем двинулись в танцзал, располагавшийся на первом этаже столовой, где скромненько прогуливалось несколько девушек, не побоявшихся прийти без кавалеров.

В углу помещения высились две монументальные колонки с полированными боками, однако музыка из них не играла. В полной тишине даже Надин перестала трещать, достаточно производимого ими паркетного треска посередь такой большой залы. Все делали вид, что оказались в данной части корпуса совершенно случайно, по какому-то невероятному совпадению. Фланировали туда-сюда минут десять, пока пробежавшая мимо кухонная работница в белом фартуке и колпаке не объявила с душевным торжеством:

- Можете не ждать, танцев не будет!
- Почему? – страшно поразилась Мара.
- По расписанию.
- А когда будут?
- Музработник в отпусках!

– Вот те на! В приличных местах танцы бывают по расписанию, а здесь наоборот! Пойдем тогда, Коля, гулять. До вечерней зорьки ты же свободен?

На улицах турбазы, почти у каждого коттеджа горели небольшие костерки-дымари, при которых кучковался местный народ, махающий руками. Дым немного спасал от комаров.

Возле их коттеджа, со стороны чужого входа также чадило несколько веточек, вокруг которого на скамеечках собралось общество новеньких соседок. Рядом с костром они поставили кассетник, из которого грустным голосом певица пела о том, как она любила в последний раз. Здесь же, несколько особняком пригрелись и Гофман с Герасимычем. Коля подошел к ним.

Слишком много собралось воедино девушек, чтобы насмелиться познакомиться с конкретной на глазах у всех прочих, даже кивнуть неудобно, тем самым как бы игнорируя остальных. Не говоря о том, чтобы начать подмигивать. Очень серьезно девушки наблюдают за стружкой дыма слившимся воедино взором, сопереживая певице. Друг с другом они тоже практически не знакомы, поэтому возникшая пауза затянулась на вечер.

Не простые собрались девчушки-балаболки, а серьезные, с высшим математическим образованием, чертовски умные. Приехали в комариный рай познавать программирование на новомодном языке Пиэль. Иные сразу после университета, другие отработали уже не по одному году учительницами, хлебнули лиха полной ложкой, прежде чем поймали удачу за уши и заслали их в тайгу болотную, проходить переподготовку в столичном образовательном центре на программистов.

Нет, здесь подход требовался особенный, к каждой конкретной персоне свой собственный, индивидуальный, желательно тихий, задушевный. И не под взорами всех остальных. Это чувствовали немногочисленные представители мужского пола, приблудившиеся сбоку отдельной группкой, и Красилов, и Николя, и Гофман и даже Герасимыч, ужасно раскрасневшись круглым довольным лицом, на манер затёртого пятака.

Так хотелось ему что-нибудь рыболовное по случаю ляпнуть, половицу ввернуть громогласную на весь коллектив, а удержался. Единственным, не понявшим серьезности и ответственности момента был парубок-курсист Пасюк, проходивший мимо. Встретив необычное обилие женского пола обрадовался: “Вот и вся моя семья, восемь девок – один я!” – выкрикнул и пошел далее.

Стоят-сидят курсистки молчаливые, задумчивые, смотрят на костер, даже друг с другом не разговаривают, слушают печальную историю про то, как “я любила в последний раз, последний раз”, что про себя при этом думают – неизвестно. Расположились в три ряда, первая скамеечка низкая, за ней – выше, специально так придумано, будто собрались вместе для фотографирования, а фотограф где-то потерялся, а они ждут его, ждут... запечатлеть красоту некому.

Глядя на эту картину, Коля почему-то вспомнил турок. В том смысле, что какой-нибудь султан турецкий и его приближенный визирь, если, не дай бог, занесла их нелёгкая в Сибирь, край поселений и великих строек, ничего не смогли бы понять, что здесь происходит даже через переводчика от МГИМО.

Откуда посередь тайги среди ужасных болот-топей взялись в одном месте у костерка сразу двадцать молодых девушек в три ряда, а никакой мужчина лично головой за них не отвечает? Ни евнуха старшего нет, ни даже младшего поблизости, ни брата верного, правителя, на худой конец, в данной провинции власть предержавшего. И никому не надо за ними ухаживать дополнительно, содержать. Махальщик с опахалом и тот отсутствует, не распугивает комаров, сбежал, собака неверная, – сами девушки энергично машут руками, хлещут себя по лбам, затылкам или животам или другому какому месту от души, без малейшего стеснения.

Да, вот именно, эти девушки сами себя во всем содержат, находясь в трудных бытовых условиях, без ванн и купален, и благовонных розовых масел без, посередь леса дремучего, полного гнуса ужасного, даже несколько ближе к болотистой лесотундре приполярной и вечной мерзлоте, с лежащими в ней нетленно мамонтами, до коих шибко охочи японские ученые. А турецкие ученые что-то не шибко понаехали, а раз не едут, где уж тут эмира с султаном ждать, когда ученые турецкой академии наук любопытства к артефактам не проявляют? И хорошо, что не приехали, зато Николая со своими девицами переночевал в номерах для них забронированных под видом особо секретного агента КГБ со своими личной агентурой, а не оказался с ней же и вальяжными грузинскими паханами - предпринимателями в ресторане. Что бог не делает – всё к лучшему. Это и к султану относится турецкому и его многочисленному семейству, включая наложниц. Гаремом и диваном и сералем. Ой, куда это его опять унесло с бестолковыми рассуждениями?

Обилие симпатичных курсисток молчащих у костра в ожидании невесть чего, поразило воображение не только сверх меры задумавшегося о

судьбе турецкой науки Николая Петровича, но всех прочих представителей мужского пола, не давая им уйти прочь.

Здесь имелись девушки на любой вкус: и брюнетки и блондинки, стройные модели и полненькие румяные булочки.

Красилов растерянно-мятежно косил в их сторону, примеряясь. Стал вдруг ходить вокруг костра кругами, бормоча себе под нос непонятное, подкинул несколько сухих веточек в огонь, те затрещали, а подойти духа не хватило. Исчез навык за десять лет брака.

По лицу его стало видно, что вспомнил он вдруг, что на самом деле является не только замначальником ВЦ краевой мелиорации, но и в принципе, отнюдь ещё не старым тридцатидвухлетним человеком с вьющейся шевелюрой да, женатым, есть грех, но одновременно, оказывается, ужасно соскучившимся по разговору с молодой, задорной девушкой. Каковых здесь в избытке, да все практически молодые, но веселья особенного не проявляют, комары достали. Красилов смутился окончательно и вернулся на постой ближе к Герасимычу.

Ещё бы. Давно и основательно женат человек. На службе отличным считается семьянином, о чем в характеристиках ему непременно писали каждый раз: «отличный семьянин», потому что романов служебных ни с кем не крутил. Отработает положенное время, часто и сверх положенного часик-другой прихватит, и домой! К жене, детям, квартире, автомобилю, даче, диссертации.

А тут вдруг ни с того, ни с сего, у плюгавенького дымаря продрал его жуткий мороз, волнение началось необъяснимое, будто снова как в пятнадцать лет впервые пришел на танцы и корчил там из себя взрослого парня, врал партнерше, что ему семнадцать. Танцы те не понравились, но запомнились надолго, и вот снова то же самое дурацкое настроение. Только не надбавить пару лет хочется, а скинуть десяток, кольцо с пальца тихо в кармане скрутить, и про семью на вечер забыть.

Вон какой букет очаровательный, явно жаждущий любви, ждущий её от каждого встречного, даже, возможно, и от него. Или Герасимыча... Нет, от Герасимыча едва ли. А от него точно. И жутко начинать, и отказаться от всего, простояв с надутыми губами, как Гофман, обидно.

Гофман держался прямо, надменно выставив трость перед собой, слегка даже демонстрируя. Обилие молчащих девиц возмущало его до глубины души: «Есть же не очень красивые, почему бы не заговорить с ним? Он бы ответил. Так, слово за слово, глядишь, завязалась беседа, познакомились, жить бы стало веселее. Но нет! Лица выставили в одну сторону и молчат! На огонь смотрят. Чего на него пялиться без толку? Нет, чтобы... спросить чего... у него. Он бы обязательно ответил».

Сам Гофман никогда первым с девушками не заговаривал: «А то скажут: с костылем, а туда же, лезет любезничать». Нет, он всегда только отвечал. Местами даже подробнее, чем того желали спрашивавшие. И все ждал-ждал. А с ним все не заговаривали по-настоящему и не заговаривали! Даже на улице дорогу не спрашивали. Перед ним спросят – те не знают, так

его пропустят, у следующих интересуются. Уже двадцать семь стукнуло, волосы на щеках прозрачно-стеклянные вылезли ненормальные, не седые ли? Сбривал их утром с легкой ненавистью.

А они не заговаривают и не заговаривают, даже самые некрасивые. Володя был обижен, но продолжал ждать с высоко поднятой головой. У него есть своя гордость. Да, пусть он инвалид! Но не позволит никому.

Николя также пребывал в скромном стеснении. Девушек, конечно, много, некоторые очень как бы ничего. Однако он уже сидит в столовке с двумя, куда еще набирать? Вон те две очень хорошенькие, и если б не Надин... А причем здесь Надин? Кто такая есть нам Надин? Чихал он на Надин, с её чёлкой, носом и губками. Подойти что ли, назло познакомиться?

Всё-таки не подошел, хотя Надин с Марой исчезли куда-то и вроде можно было считать себя свободным окончательно и бесповоротно. Нет, не решился, вздохнул и остался при мужской группе, в которой начались обычные по такому случаю бездельные тихие разговоры..

– Та, маленькая, между прочим, стюардесса.

– Ничего себе, из стюардесс в программистки её кинуло.

Стюардесса действительно ростом невысока, зато лицом и фигурой исключительно замечательная особа. Не захотелось ей больше в небесах летать? Летчики надоели со штурманами и бортмеханиками? Решила заняться программированием личного счастья на земле?

– Какой выбор, а? – шепнул Герасимыч, толкнув Володю.

Гофман лишь оттопырил недовольно губы, показывая тем самым, что ничего достойного внимания он не обнаружил.

– Но позвольте, – возмутился рыбак, наступая на его трость резиновым сапогом, – ты вон хоть возьми тех двух крайних в первом ряду, чем не красавицы? – и даже указал на ближних девушек, приехавших из города Уссурийска, Иру и Машу, – обе ведь не замужние, явно на выданьи.

И точно, Маше двадцать три года, Ире двадцать шесть, можно сказать “на выданьи”, раз обе сидят с постными лицами без обручальных колец.

– Ежели, голубчики, женитесь на той, чёрненькой, – продолжал балдеть Герасимыч, очень довольный собой, (явно хлебнув толику кубинского рома из большой бутылки с блестящей серебристой наклейкой, стоящей под его кроватью в коттедже рядом с ведром, в котором плавал предыдущий улов), – десять лет подряд будете счастливы в семейной жизни, а потом она вас обязательно бросит, предварительно наставив вам, ребята, здоровенные рога, вроде лосиных!

– С чего вдруг?

– Я замначальника ВЦ треста “Якуталмаззолото”, мне ли не знать? Система у нас запущена специальная, “Кадры” называется. Сам вводил в эксплуатацию на тысяче примеров, потому знаю, что говорю. Сбежит к молодому обязательно и не вернётся. Ножки у неё, видите, какие?

– Обычные.

– Ты на щиколотки обращай внимание. Видишь? Тонкие, сухие... Ускачет антилопой гну, трёх лет не пройдёт, гарантирую.

– Говорил десять...

– А та, что рядом?

– О, это серьёзная. Эта верной останется до самой твоей могилы, а значит, практически, как бы навсегда верная будет. Единственный крупный минус – ревнивая. С ней приблизительно лет до сорока пяти доживешь ничего, нормально, потом поворот произойдёт, если речь вести о твоём здоровье.

– Готовит плохо?

– Нет, почему? Превосходно готовит, с комплексным обедом не сравнить, а всё равно от сковороды помрёшь. Вернёшься как-нибудь поздновато с партконференции отчетно-перевыборной, а она унюхает от тебя посторонние духи и амба. Ни слова не скажет, вида не подаст, выдержку проявит, в себе затаит, переживать молчаливо и страшно внутри будет. За стол усадит, начнёт потчевать борщом, да котлетами с пюре, а когда ты набросишься с голодухи на еду, и с полным ртом будешь жевать-радоваться, тут у неё сердце в груди взиграет, что не сможет стерпеть несчастная: выберет сковороду чугунную на полке потяжелее, да как с разворота: тресь! Тебе по башке. Не успеешь дожевать, падёшь бездыханным. Сорок пять – самый опасный возраст для подобного скверного случая, но не последний, скажу откровенно. Если сорок пять как-нибудь переживёшь, отоврёшься по нахальной сути своей, угрём из-под сковородки выкрутишься, то в пятьдесят все равно не сносить головы из-за её выдающейся любви и необыкновенной ревности.

– А вот сам ты, Герасимыч, лично, за какой бы приударил?

– Я лично вовремя сбежал и от той и от другой, поэтому здесь отдыхаю в свое удовольствие: сыт, пьян и нос в табаке. А если хотите, молодые люди, полного семейного счастья по самый край, женитесь на той маленькой, смазливенькой...

– Стюардессе?

– Ну. Очень ласковая к муженьку будет, всегда обаятельная, нежная, весёлая... м-да... с ней не соскучишься. Единственный существенный недостаток наблюдается на горизонте: ребенка вам родит постороннего, не вашего. По глазам вижу ласковым. А всё прочее замечательно, не нарадуетесь, так жить хорошо с маленькой ягодкой. Да и не узнаете никогда, что ребенок не ваш, всю жизнь проживете приятно, в общесемейном счастье. Это самая лучшая кандидатура из всех. Настоятельно рекомендую.

– Что и на такой женат был?

– Я? Храни господь. Говорю же, организация у нас специфическая, “Якутзолото” с алмазами в придачу, многоноcko кто через систему “Кадры” проходит, так что наблюдал и таковых стюардесс неоднократно.

– А всё же, с какой бы хотел познакомиться?

– Ни с какой пока трезвый, а по пьяни не знаю. Вот как увидите, что приударил за кем, так и знайте: пьян, старый хрыч, сегодня, и здорово пьян – лыка не вяжет. Вон-вон девка стоящая, – указал подбородком на Мару, –

вот где счастья не меряно. Даже с ребенком бы посторонним взял, даже зарежет пусть, или сковородкой чугуновой навернёт, всё ко двору будет, хлопцы. Ты с ней работаешь? – обратился к Николаю.

– В разных отделах.

– Ну и как она живёт-поживает в естественных условиях, много народа за ней ухлёстывает?

– Уже лыка не вяжешь? Замужем, ребенок есть.

– Всё равно – мечта поэта.

– Какая мечта? – возмутился Николай, и точно, припоминая счётное число влюблённых электронщиков и программистов из официального списка, – нет же ничего, абсолютно ничего. Выдумываете тут... на пустом месте.

– Не понимает товарищ. Напрочь лишён чувства прекрасного. Может, и к лучшему, – вздохнул Герасимыч завистливо, будто наблюдая проплывшую мимо большую стерлядь, когда сам без снастей оказался, хитро подмигнул в сторону Гофмана, уточнил, – не понимает человек. Гофман и тот, смотрю, в курсе дела. Да же, Володя? Классная женщина? Мечта поэта?

Гофману хотелось оттопырить презрительно губы, но у него не получилось – комар присосался к щеке, пришлось срочно уничтожить.

4.

Утро выдалось зябким.

Коля проснулся дрожа от холода и шумного, даже грохочущего явления в коттедже обнажённого по пояс Вольдемара, что влетел в комнату с необыкновенной для него скоростью, явно после умывания, продолжая обтирать и без того багрово-красный торс лихорадочными движениями. Неистово жонглируя при этом костылем, словно японский самурай бамбуковой тростью, собравшийся в показательных целях до основания уничтожить деревню, восставшую против своего феодала, включая женщин с грудными детьми.

– Как погода? – заинтересовался Николай.

– Колючая, – ответил Гофман загадочно, в духе великого однофамильца.

Сказочный секрет открылся неприятно быстро, стоило одеться да спуститься по тропинке в низину к многопользовательскому умывальнику, а там намылить по глупости лицо, как тут же в руки, шею и спину впелись десятки и сотни язвительных игл. Бесстыдно взвизгнув, и едва плеснув пару пригоршней воды, Николай бежал из низины в дом, с размаху хлеща себя по спине и бокам мокрым полотенцем не хуже иракского шиита в дни всеобщей горечи, оставляя красные полосы.

После завтрака, который вновь провёл за одним столом с девушками, состоялось первое занятие по изучению языка Пиэль, на котором не только не преуспел, но даже принародно оконфузился. К восьми часам возле пустого домика собралось человек сорок пиэлистов. Дверь в коттедж отворила на удивление молодая, по возрасту не старше Николая преподавательница, конопатенькая брюнетка с косичкой крендельком свёрнутая на затылке, в модно потёртых на коленках и попке джинсах.

Вместо кроватей комната содержала столы и парты, на стене висела доска, все расселись и занятие началось.

Комаров в пустом коттедже оказалось даже больше, чем в туманной низине близ умывальников. Домики не имели системы отопления, сантехники, и не защищали жителей ни от чего, кроме солнца и ветра. От комаров тоже не защищали. Учащиеся сплотились в тесноте, по три человека за партой и проклятые насекомые всю пользовались этим, особенно донимая ноги под столами. Приходилось натурально отбрыкиваться, часто это приводило к общему шуму и недоразумениям.

Надин сидела рядом с Николаем, успевая записывать всё, что говорила слишком молодая лекторша с пунцовыми щеками, и мурлыкала песенку. Комары её не брали.

– Я намазалась кремом, – ласково шепнула на ухо, – если бы заглянул к нам утречком, и тебе бы дала.

Преподавательница обернулась на шум, вопросительно склонив голову набок. Топтание под столом ненадолго прекратилось, в установившейся тишине отчетливо прозвучали последние слова, сказанные Надин.

Народ захихикал, стал оборачиваться, отдельные представители мужского пола даже изрядно вытягивали шею, пытаясь разглядеть добрую девушку.

– А мне? – спросил Пасюк.

– Большой шибко, в тубике мало осталось, только на него хватит. – После чего вернулась к Николаю, обольстительно улыбаясь. – И ещё хорошо, что надела штаны.

– Что?

– Хорошо, что я сейчас в штанах, глухая тетеря! – громче повторила она, деловито переписывая с доски в тетрадь алфавит нового языка, – не так пристают.

В аудитории опять все насторожились, перестав брыкаться.

Мара сидела с другой стороны от Надин. Не разобравшись, треснула Колю по спине:

– Оставь девушку в покое!

– С ума сошла, что ли?

И тут же получил такую оглушительную затрещину, что перед глазами поплыли красивые радужные эллипсы. Надин радостно демонстрировала классу ладонь забрызганную кровью. Даже привстала, чтобы всем было видно.

– Я тебя спасла. Опусто плечо пониже, хочу отдохнуть, – положила голову ему на плечо.

Обнаглевшая толстая комариха до того наклюкалась крови, что не могла лететь и надсадно гудя перегруженным бомбардировщиком, шлёпнулась прямо на конспект посреди страницы. Николая с удовольствием превратил тварь в огромную красную кляксу.

– Все мозги стряс. Поосторожнее можно?

– Девушка, уберите голову, – попросил Коля мрачней, – мешает.

По аудитории прокатился смешок. Надин продолжала лежать на плече, хоть бы ей хны.

– Убери голову! – гаркнул Николай.

Раздался взрыв смеха.

Надин поднялась, зевнула, шопотом пояснила:

– Бессовестный. Преподавательница решила, что к ней обращаешься. Видишь, голову убрала и даже в сторону отошла. Думает, тебе не видно, эх, как не стыдно?

Занятия продолжались до четырех часов, с перерывом на обед.

На вечер некие неизвестные инициаторы назначили общее знакомство группы на берегу озера. К их компании присоединились все кому не лень, Герасимыч в том числе. Он обещал наудить с утра рыбы, а к праздничному вечеру сварить целое ведро ухи и накормить всех до отвала. Красилов купил две сумки рома в магазине ближней деревни.

Водку нигде не продавали из принципиальных соображений борьбы с народным пьянством, а вот рома по семь рублей в красивых бутылках с блестящими наклейками “Гавана клуб” от дружественного кубинского острова Свободы во всех магазинах было хоть залейся. Дороговато конечно, зато экзотика!

Пока они сидели на занятиях в комарином доме, Герасимыч развел на берегу костерок и действительно, сварил целое ведро ухи из своих окуньков и карасиков. Уха получилась на славу, над всем пляжем витал сногшибательный аромат лаврового листа с перцем, но как хлебать тридцати человекам из одного закопчённого ведра?

Герасимыч притащил, во-первых, ложки из столовой, во вторых, организовал два больших таза, разлил уху в них (клянясь и божась, что он совершенно новые у завхоза выпросил), раздал ложки. Красилов с Пасюком открыли кубинский ром, и началось близкое знакомство. Очереднику вручали стакан, кусочек серого хлеба с рыбкой, требуя назваться, после чего все выпивалось и заедалось. Но не всегда. Некоторые девчонки отказывались пить, некоторые закусывать костлявой рыбешкой, закатив глаза пищали: «Ой, воды, воды мне срочно, задыхаюсь!».

Крепостью и запахом ром соответствовал обычной самогонке.

– Не, малость послабее горилки будет, – засомневался Пасюк, когда выпил, – на что-то похоже, а на что не разобрал, ну ладно, плесните еще...

Не ко времени заморосил мелкий дождичек, подёрнувший дальний край озера туманной дымкой, однако настроение собравшихся сильно двинулось на подъём – начались весёлые пляски. Костёр сыпал снопами искр, когда в него подбрасывали охапки прибрежного хвороста. Ром заставил прыгать через костёр.

Выше всех летал Бронеслав Пасюк: подпрыгнув, успевал прямо над кострищем пару раз перебраться ногами в воздухе, чтобы потом, как бы спохватившись, резко улететь далее по маршруту.

Порхать в одиночестве ему скоро прискучило, подхватив на руки маленькую Стюардессу, с криком: «Ох, полетаем!», Броня ринулся в костёр. Стюардесса не решилась отбиваться – выронит еще в критический момент. Пасюк таскал её повсеместно довольно долго. Красилов даже выразился по этому поводу: «Носится, как чёрт с писаной торбой! А дома, небось, жена и семеро по лавкам». Никто его не поддержал. Мужская часть группы подумала про себя: «Ну и зануда этот Красилов!» А женская решила, что ревнует.

Выпив две порции горького рома, Николая поискал взглядом Надин, а найдя, удивился тому, как далеко ушла она от костра. Тоненькая фигурка виднелась возле самой воды, стоит спиной ко всем, смотрит в тусклую даль озера. Что там сейчас разглядишь?

Захотелось тоже подхватить её на руки и... но пламя слишком разгорелось, а его и без того шатает. Какая Надин незаметная сегодня. Стоит одна у кромки воды. От всех отвернулась. Может быть ей плохо? Может подойти сказать слова ободрения?

Погода тем временем окончательно испортилась. На озере разыгрались волны, все вокруг сделалось мокрым, пропиталось холодной водой с запахом тины, – и песок и прибрежные деревья и одежда, но люди продолжали весело плясать вокруг костра.

Разве с трезвых глаз мог разбушеваться по столь мерзкой погоде жизнерадостный кубинский праздник? Давно разбежались бы кто куда, сидели сейчас в дощатых коттеджах, трясясь от холода под отсыревшими одеялами. Всё отлично! Куба – любовь моя!

Даже то, что Надин стоит у кромки воды вдаль, отвернувшись лицом к озеру в вуали неясной дымки, в некотором смысле прекрасно и необыкновенно романтично. Будто наяву возник туманный образ самой главной в его жизни Незнакомки, с которой Николая сейчас наконец-то познакомится.

И он пошел к ней.

Кольцо радостных танцоров, что лихо вращалось вокруг костра, затянуло его в свой водоворот, кинуло к жару пламени. Николая мгновенно обжёгся их раскалённой вулканической радостью, оказался звеном общего неразрывного пьяного братства.

Сверху, отвесно на головы и плечи падали тугие струи дождя, приятно охлаждая сильно разгорячённые лица. Одежда насквозь промокла, однако все продолжали прыгать, не замечая этого, держась за руки лет сто без перерыва.

Потом у кого-то заплелись ноги, цепь повалилась друг на друга, непрерывно хохоча до колик в животе.

Веселье кипело и расплескивалось по кругу от костра. Чем ближе к огню, тем выше градус горячего рома. Пасюк, обронив где-то Стюардессу, вознёс на руках Мару, впрочем, через костер не прыгал: Мара гораздо крупнее Стюардессы, или жальче её Пасюку, или просто не желал расставаться. Силой-то бог не обидел. Мара восседала вполне довольная судьбой, выделившись из общего многочисленного женского фона в ту единственную, которую несут по жизни, берегут да холят, как бесценное сокровище.

Неожиданно Николая опомнился и снова направился к Надин, желая поболтать с ней о чем-нибудь легком, необременительном, постороннем от Пиэля.

Шёл-шёл, шёл-шёл, шёл-шёл – уже рядом, вот она стоит тоненькой, мокрой тростинкой на ветру и дожде... зачем-то прошёл мимо. Прямо в воду забрёл по колено. Зачем, спрашивается? Чёрт его знает. Принялся с серьёзным видом, внимательно разглядывать дальние дали, ни слова не произнося. Чувствуя при этом с горечью, как ноги быстро околевают, а кроссовки в ледяной воде будто растворились, полностью размокнув. Чёрт! Где их теперь сушить? В такой повсеместной сырости и вечерне-ночном коттеджном холоде?

Уже растерянно глядел на кипящую воду озера, что в тенетах дождя окончательно слилась с низким тёмно-серым небом, висящим рваными облаками, как сетями на верхушках чахлых вётел, растущих вдоль берега сразу за пляжем.

Имелось странное очарование в этом шуме озёрной воды, смешивающейся с дождевой. Не найдя ответов на заданные себе вопросы, Коля закрыл глаза, и стоял-слушал громкий, радостный шум воссоединения воды небесной и земной.

Он вдруг ощутил, что на самом деле вода в озере теплее, гораздо теплее текших по лицу струй дождя. Что если взять, да искупаться прямо сейчас? Это будет фокус почище прыганья через костёр со Стюардессой на руках. Никто ведь не знает, что озёрная вода теплая. Все испугаются и восхитятся подвигу. Надо бы сказать Надин. Предложить искупаться сейчас на пару с ней прямо в одежде. Вот будет номер экзотический! Взяться за руки и уплыть под испуганные вопли в туманную даль, раствориться в ней навсегда? Нет, не навсегда, а на сегодня, вдвоем?

Николя поворотился.

Надин рядом не оказалось. Более того, среди прыгающих у огромного кострища её также не обнаружил, и там, где размокли под дождём газеты, с тапачками уши, которую никто даже не попробовал, и валялись пустые красивые бутылки из-под рома. Нигде не видно строгой черной фигурки, которая ему сейчас нужна, просто необходима! Он так здорово придумал их общее будущее!

Народ пляшет, орёт, визжит от дикой радости. Николая стоит по колено в озере, ищет сквозь дождевую пелену: куда девалась Надин? Здесь же была только что. Долго стояла. Ушла.

Ан, нет! Вон, на руках Пасюка катается! Утащил Надин Пасюк от Николая! Здоровый мужик, всех девушек перевозит на руках по очереди!

Еще Николая увидел выпрямленного, сурового Гофмана. Посочувствовал. Некто нравится Гофману и очень сильно, судя по тому, с каким особым достоинством и прямою осанки Володя держится, глядя поверх общего веселья, лишь изредка кидая быстрый взгляд на интересующий его объект, и стоя так, что трость практически незаметна с той стороны, где он находится. А лицо горит, несмотря на холодный дождь, как у человека, который страшно, дико ревнует, не имея на то никаких прав, и никак не может справиться с припадком бешеной ревности, потому что отпил два раза по тридцать грамм, в стакане ещё полно желтоватой жидкости, а до того практически никогда не пил.

На горящем лице Володи, неровном от давних зарубцевавшихся юношеских угрей, на подбородке и щеках торчала белесая, будто седая короткая щетина, сильно его старящая. Сейчас он походил на хромого упрямого старика, принципиально объявившегося на свадьбе внука, с коим рассорился несколько лет назад и с тех пор не разговаривал. А теперь не знал чего ему здесь делать – поздравить и уйти, или остаться, сесть со всеми, слиться с новой родней, даже песен попеть, расцеловаться со сватами.

Бедняга едва сохранял равновесие, потому и оставался на месте, что смертельно боялся оступиться да упасть на глазах той, которая его даже не замечает. Володя держится с достоинством, стойко. Проявляет железный нордический характер, как и во всех прочих аспектах жизни. В каждой мелочи, в ерунде любой, мимо которой другой пройдёт, не обратит внимания, пнёт с дороги в сторону, он разбирался долго, нудно, методично, зато всегда доходил до глубинной сути явлений, как бы дорого ему не доставался итоговый результат, в какую бы копейку не ставала выделка очередной овчинки.

Ведь только на первый поверхностный взгляд Гофман являет собою образ нескладного человека, на которого редко какая женщина обратит внимание, а если обратит, то лишь в случае самой крайней, безвыходной нужды. А вот кстати сказать, видно так много у женщин бывает тех самых крайних случаев, что стоит начать разбираться на холодную голову да перебирать по пальцам, так и окажется по жизни, что каждый второй их случай – предельно крайним выходит. В том смысле, что умеющий держать удар Гофман обязательно, точно по волшебству, пребудет в своё время с любимой женщиной в мире, согласии, а главное – супружестве.

Но не с Марой, разумеется. Исключено это, кстати, не ею, а им, доведённым сейчас до крайнего молчаливого бешенства, которое никак, ни в чем, никогда не проявится.

Никто не понимал, что если Володя тронется с места – сразу же упадёт, а значит, стоять ему здесь еще долго, пока не протрезвеет под

холодным ливнем настолько, чтобы смочь дойти до сосен и там, под кронами привалиться спиной к шершавому смолистому стволу.

Мимо пробежали развесёлые девушки, сочувствующие Володиному отщепенству, звали к костру – где жить теплее, веселее, или к тазику – откусать ухи с перчиком и рыбками, еще чего-то выпрашивая, но всё в том же несерьезном, приземлённом духе, он на них никак не реагировал, даже губы презрительно не складывал, стоял монументально строгий, будто не замечал. Поздно. Раньше надо было.

Одна некая, с пьяных глаз, не иначе, загорелась увлечь Гофмана вместе с нею попрыгать в общем хороводе. Так ли уж хорошо маскировал он свою подпорку, или девушка совсем сверх нормы приняла, отчего не пришёлся костыль ей по глазам – неизвестно. Схватила за рукав и потащила в круг, но Гофман вырвался, взмахнул палкой для сохранения равновесия, устоял-таки, а та даже голову вжала в плечи, подумала – на неё замахнулся. Мигом кинулась обратно к хороводу, ворвалась в него и учинила преогромный беспорядок, связанный с общим весёлым падением кучи малы на раскисшую дождевым половодьем траву.

В борьбе за равновесие Гофман закусил губу. И приводил ее на место в те краткие секунды только, когда краешком глаза касался Марочки, но и последние остатки настроения покинули его в один миг, когда чертов Пасюк, подхватив Мару, принялся таскать ее по берегу, будто собственное достояние.

«Что за неудача, – думал Николя, медленно осознавая происходящее, – какое-то неудачное знакомство получается».

После многочисленных падений, перемазавшись в грязи, вокруг костра прыгали непохожие на себя люди, исполняя самые простые первобытные танцы племени мумба-юмба, пока заготовленный хворост не выгорел полностью, и мужская часть племени не бросилась искать новый.

Снова отличился силою богатырской Пасюк. Вырвал с корнем сухую ветлу на берегу, бросил в костер под визги и вопли девушек. Остальные парни по его примеру принялись вырывать сухие ветлы, даже Коля не устоял перед столь заманчивой демонстрацией силы, хотя был изначально уверен, что у него ничего не получится.

Но, к своему удивлению, чрезвычайно легко выворотил иссохшую черную ветлу с корнем из песка, много толще пасюковой, более раскидистую, и, в отместку Пасюку и Надин, тоже долго носился с ней возле пиршества, не зная, куда приспособить.

На месте костра полыхал целый вигвам из ветел в пять метров высотой, такой не перепрыгнешь. Зато не страшен гигантскому пожару дождь, льющий всё сильнее. Кто не убежал до сих пор домой, положили друг другу руки на плечи, пляшут вокруг костра летку-еньку.

Дождь стоит отвесной стеной рядом с каждым, так что озера в пяти шагах не видно, лишь слышится, как оно кипит, шипит, гудит.

Николя отвлекся на минутку послушать эти природные звуки, а когда очнулся, увидел Володю Гофмана, сидящего под деревом прямо на земле в обнимку с костылем.

Три девушки уговаривали его встать и возвращаться немедленно на турбазу в свой коттедж. Володя сурово и равнодушно отвечал им, что никуда больше не пойдет, а останется здесь до утра. Из чего делалось ясно – у человека только что произошла драма всей жизни.

С лиц девушек струйками стекала вода, они выглядели маленькими котятами, которых хозяйка уже сунула в ведро с водой, чтобы утопить, а потом передумала и вытащила обратно. «Пусть до завтра поживут. Может возьмет кто?»

Они сидели вокруг Володи на корточках, униженно моля идти с ними. Но Гофман был неумолим. Всем его жаль, а ему себя и подавно.

Коля сказал девчонкам, чтобы они не беспокоились, шли к себе домой, а он останется здесь с Володей, поможет ему дойти, когда тот сочтёт нужным.

Девушки помялись, подумали и ушли.

Володя сидел неприступный. Было ясно, что он не в состоянии подняться самостоятельно, даже бесполезно искать равновесия, настолько ром выбил трезвенника из колеи, чего тот ни в коем случае не желал показать слабому полу. Да и Коле тоже.

Они остались вдвоем на краю леса под дождем. Ночная темнота сгустилась в кромешное, жидкое состояние. Невидимое в десяти метрах озеро шумело громко и могущественно, настоящим океаном. Коля старался запомнить этот звук, а значит, идти к коттеджам надо будет в противоположном звуку направлении, немного наискосок по лесу, влево... или вправо.

– Ладно, – сказал он, опрокинувшись спиной наземь, в какие-то мелкие лужицы, – заночуем здесь. – Хорошо, свежо... и мухи не кусают.

Земля мягко притянула. Затылок чавкнул в глину.

Он закрыл веки.

Через некоторое время открыл.

Неясный свет, неведомо откуда исходящий, обрисовал фигуру, стоящую возле него на коленях и опиравшуюся на палку.

Гофман тянул заунывную степную мелодию, изредка вплетая в неё слова:

– Вставай... Коля... надо идти... идти надо нам... уже ночь совсем... вставай... Коля... надо идти...

Можно было не сомневаться, что он выводил бы свою искреннюю, идущую из глубины сердца, песнь стоя так на коленях до самого утра, не притрагиваясь к павшему.

Николя обнаружил себя в луже серьёзных размеров, сел, быстро вскочил, дабы случайно не захлебнуться. Тем более, главная задача выполнена: Володя оторвался от своего дерева и захотел домой.

– Пошли.

Акын ещё пару минут вёл свой монотонный речетатив, пока его не похлопали по плечу.

– Ты уже? – подивился он с явным разочарованием, – у меня вода на очках, ничего не вижу.

– Здесь хоть в очках, хоть без очков, ни черта не видно.

Они двинулись в глубь леса, удаляясь от привычного шума кипения озера, ставшего за эти часы почти родным, постоянно натываясь на деревья, кусты, спотыкаясь и падая. Что при свете дня выглядело лесопарковой зоной, в черноте ночи оказалось непроходимой тайгой с завалами бурелома.

– Вроде бы к озеру пришел по асфальтовой дорожке.

– И я... вроде бы...

Сказав это, Володя исчез. Съехал вместе с костылем в глубокую конусообразную воронку и застрял в глубине, не зная, что делать, и от расстройства не подавая голоса.

Николя зашарил рукой рядом. Приятель исчез. Даже сопения не слышно. В прятки играть вздумал? Обнаружил край ямы. Недолго думая, съехал вниз.

На дне уже накопилось достаточно воды, оба очутились в холодной глинистой жиже.

Не произнося ни слова, Гофман вдруг бросился наверх по склону, сильно шлепнув по воде ногами, секунду его не было, потом обрушился сверху, подмяв под себя Николая, и затопив его высокой бурной волной.

Николя старался выбираться осторожно, без волн, однако это не получалось – сползание каждый раз заканчивалось большим всхлюпом донной жижи.

Склон почему-то абсолютно голый, одна холодная, скользкая, водянистая глина под руками, ни травинки, ни ветки, ни кустика, уцепиться совершенно не за что. Сама яма в глубину метра три. Если днем, засветло, Коля непременно выполз бы. Если бы не шел дождь, или хотя бы был трезв, тогда другое дело, запросто. Но кругом непроглядная чернота, отовсюду сверху льётся вода, и напился рома сверх меры. А всё Пасюк чёртов.

– Козёл этот Пасюк, – процедил Николая с раздражением, когда опять съехал вниз.

– Конечно, – тотчас откликнулся Гофман, будто думал о том же самом, – полнейший идиот. Ты видел его конспект? А я видел. Сразу ясно – не понимает, что пишет.

– Сила есть – ума не надо, – согласился Николая, с огорчением вспоминая подвиги Пасюка.

– Выпендривается много, шел бы в грузчики да таскал каждый день ящики, раз так нравится.

– Стюардесса чуть не со страху не умерла, когда он с ней через костер сигал. Надин утащил от озера. Просили его? Нет. Одна Мара каталась с удовольствием. Чертовка эта Мара, как на коне каталась на Пасюке. Есть в ней нечто, есть.

– Мара здесь совершенно не причем, – воспротивился Гофман, – Пасюк, скотина, кругом во всём виноват. Таскал бы свою Стюардессу хоть весь вечер, раз нравится, слова никто бы не сказал, а тут всех ему одному надо. Если увижу болвана сегодня, можешь быть уверен, очень ему не поздоровится... вода здорово прибывает.

Он поднялся и сделал очередную попытку взобраться по склону. Съехал на плечо Николая.

Это породило идею:

– Давай буду тебя подсаживать, а ты лезь.

Наконец удалось вытолкать Гофмана на край воронки, а потом, при помощи Володи выбраться и самому. Минут пять без сил лежали у края воронки.

Первым встал Николай.

– Идём дальше.

Володя недовольно сопел, сидел, не двигаясь с места.

– Устал?

– Тапок в яме остался.

Ни секунды не раздумывая, Николай скользнул вниз на поиски тапка, и на ощупь принялся процеживать донную жижу. В луже ничего похожего не оказалось. Влип в склон, потому не скоро нашелся.

Они продолжили свое глупое путешествие с выставленными вперед руками сквозь непроглядную тьму под проливным дождем, по непроходимой тайге, цедя ругательства на голову Пасюка.

Вдруг резко вспыхнул свет. Не какая-нибудь отдельно взятая лампочка зажглась на горизонте в далеком вахтовом поселке, нет, воссияла неоновой голубизной целая просека, будто городской проспект включил заспавшийся на дежурстве электрик. Высветился и высокий, плотный забор турбазы.

Они заковыляли скорее-скорее к тому забору, принялись ощупывать доски – счастливые до невозможности. Боже правый, неужели спаслись? Оказывается, совсем даже не в дремучей тайге находятся за триста километров от последнего жилья! Не утопали к тундре! По-прежнему на территории родной турбазы пребывают, и где-то совсем рядом находится их замечательный домик, комната с кроватями, матрацами и одеялами! Боже милосердный, неужели спасение возможно?

Пошли вдоль шершавой поверхности забора, дружно мечтая вслух о скором неминуемом отдыхе, сухой простыне и одеяле, не отнимая ладоней от занозистых досок, боясь, что свет погаснет, и они потеряются в тайге снова.

Две неповоротливые пьяненькие, икающие улитки ползли по забору долго, настойчиво, пока не приползли обратно к озеру. Вон подмигивают рубиновые угли шипящего под дождём костра.

– Эх, надо было в другую сторону идти!

– Верно.

– Какие мы дураки!

– Точно.

Поползли в обратном направлении. Буквально через несколько шагов запнулись об асфальтированную аллею. Оставив забор в покое направились по ней.

– Дошли, – обрадовался Володя, увидев первое строение, – это наш коттедж.

– Нет, видишь, на крыльце чужие люди, значит не наш. Наш дальше.

– Неправда! Гости какие-нибудь пришли, я спать хочу! Гостей выгоним в шею. Эй, люди, уходите из нашего домика!

Чужие люди на крыльце расхохотались.

А в Гофмане проснулась прежняя упрямость. Он стучал палкой по асфальту и твердил, что дальше не пойдет, будет ночевать здесь и только здесь!

Так повторялось перед каждым очередным коттеджем, пока их не окликнули.

– Володя, Коля! Ау!

– Это наш коттедж?

– Нет, не наш.

– Зовут, слышишь?

– Да женский это коттедж, две тётки на крыльце ручками машут.

– Володя, Коля, вы куда? Заходите в гости.

Знакомые женщины, обе полненькие, веселые, одни из тех, что лихо отплясывали танец племени мумба-юмба возле костра на вечере знакомств.

– Знаешь, как их зовут?

– Нет, конечно.

– И я нет. Зайдём?

– Давай.

Приглашающая сторона заохала:

– Мальчики, да вы насквозь мокрые. Володя! Разве можно в тапках, в такой дождище по лесу гулять? Срочно заходите в дом, согреетесь хоть немного, обсохните, у нас электрокамин работает.

Николя вошёл, за ним, исследовательски постукивая палочкой, двигался хмуря белесые брови Володя, поддерживаемый сзади обоими женщинами.

В коттедже действительно оказалось тепло и уютно, из угла хитровато подмигивал красной лампочкой электрокамин.

И пол здесь чистый, без земляных ошмётков, и лампа настольная в абажуре на тумбочке между двумя запроваженными койками уютно светит. И нет озерного запаха, что происходит то ли от удочек Герасимыча, то ли сапогов резиновых, то ли от ведра с живой, плещущей рыбой под кроватью. Здесь пахнет по-домашнему, котлетами. Умеют женщины сотворить рукотворный уют.

– Вдвоём живёте? – спросил Гофман, хмуро глядя на четыре кровати без постельных принадлежностей, сдвинутые к стене.

Глиняные тапки он скинул у порога, но все равно оставлял мокрые следы, а если чуть мешкал на одном месте, то и лужицы. Оглянувшись назад, Николая заметил за собой те же проступки.

– Только что были вдвоём, а теперь с вами, мальчики, будем вчетвером продолжать вечер знакомств. Меня зовут Инесса, а её Фаина, можно просто Инна и Фая.

– А по отчеству?

– Да зачем нам отчества, Володенька? Кушать будете?

– Нет, спасибо.

– Тогда предлагаю сыграть в карты. Стола нет, занимаемся лежа на кроватях, а давайте тумбочку уберём и кровати сдвинем? Удобней будет.

Так и сделали.

Лампу установили в изголовьях. Но Гофман заупрямился и здесь, отказался сесть на кровать.

– Я сырой сильно, намочу вам.

– Господи, боже мой, точно ведь, мокрые все, так разденьтесь... Одежду можно подсушить над калорифером, видите, веревочки натянуты? У вас-то, поди, нет калорифера, пользуйтесь пока.

Николя не стал заставлять себя упрашивать, скинул рубашку, джинсы, развесил над камином и запрыгнул на кровать, сев поближе к лампе.

Это была койка Инессы. Со скромной улыбкой она присела на краешек рядом.

Но сушить одежду, тем более снимать ее с себя, Гофман решительно отказался.

– Нет, я на стул сяду, если не возражаете.

– Садитесь, конечно.

– Стул от сырости намокнет и расклеится, – попыталась урезонить Фаина. – Чего вы стесняетесь? Свои же люди... Если простудитесь, нам потом неудобно будет: не приютили толком человека, не обогрели.

– Может тогда для согреву налить что-нибудь?

– Нет, не надо, – решительно отказался Коля, – большое спасибо, но нет. Мы еле в тайге протрезвели.

– А что у вас есть?

– Да что у всех, то и у нас – ром.

– А ещё котлеты.

– Рома бы я лично выпил, – признался Володя, – замёрз очень.

С котлетами и Николая согласился. Варёный карасик Герасимыча остался далеко в прошлой жизни.

Выпили вместе с девушками, закусили бутербродами из белого мягкого карая с котлетами, Фаина стасовала колоду.

– Во что играем?

– Давайте в дурака, пара на пару? Как распределимся? Мальчики на девочек, или кровать на кровать?

– Моя кровать с Володиным стулом, против вашей с Колей кровати.

– Ладно, тогда пики козыри.

– А может ещё по рюмашке? – скрючился на стуле Володя, – у меня ни одного козыря, как тут играть?

– Наливай.

Выпив, Инесса прилегла на свою подушку, Коля расположился у неё за спиной. Устроился возле горячего тела, как намерзшийся в лесу лыжник дома возле печки ненастным вечером.

Карты положил на бедро, слегка прикрытое полой халатика. А у противников что-то игра не в масть: Фая ворочается без толку, Володя карт на кровати не видит, вскакивает то и дело со стула, перегибается через тело партнерши и смотрит, кто чем побился, протирая толстенные стекла.

Наконец не выдержал, тоже разделся, развесил свою одежду сушиться, сам влез на кровать.

– Давно бы так, – сказала Фая. – Возьми покрывало, накройся, весь синий от холода, смотреть страшно.

– Ты принимай, Фаина, принимай.

– О, забили женщину, шулера вокзальные.

– Это мы умеем, да, Коля? – Инесса отсчитала себе карты из колоды. – Теперь навалимся на Володеньку. Володя, скажи честно, биться будешь или сразу возьмешь?

– Ходи давай, там видно будет.

Как ни хорохорился Володя, а тоже нахватал всякой швали. У Коли с Инной полные руки козырей оказались.

Они легко выиграли. Потом ещё и ещё. Кубинский ром поднял градус схватки. С ноги Инны халатик свалился, и белая, гладкая, большая, на всем своём протяжении от пояса до кончиков пальцев оказалась на всеобщем обозрении. Коля располагал на её поверхности свои карты, между делом поглаживая ладонью, восхищаясь феноменальной гладкостью и внутренним жаром. Инесса отвечала понимающей улыбкой.

Ему всё ещё холодно и сыро. Изнутри бьёт легкий озноб на мелко-мелко трясущейся ноте. Хорошо бы крепко обнять эту горячую ногу, обхватить, прижаться к ней как к печке, и согревшись уснуть, чтобы утром проснуться не заболевшим ни гриппом, ни ОРЗ. Такой жар ладонь припекает, что никакая зараза не пристанет.

Сложил конечности на кровати таким образом, чтобы между ними и раскалённым бедром имелась наибольшая площадь соприкосновения.

Гофман тоже инстинктивно тянулся к раскалённой белизне противника носом через лежащую Фаину и сильно каждый раз ошибался в картах. У него такого удобного столика под руками не было.

Фаина начала злиться:

– Мухлёвщики! Я вижу!

– Что? Что ты видишь?

– Всё без исключения. Коля тебя гладит по ноге, а Володя смущается!

– Надо же скромный какой! Володя твой! А что он спит у тебя в бюстгальтере, ты, конечно, не видишь?

– Каком бюстгальтере, чего несешь? У меня закрытый купальник под халатом. Не веришь? Пожалуйста! – и Фаина сняла халат, оставшись в купальнике на кровати. – А у тебя что?

– А у меня? – Инесса мельком глянула за отворот халата, зарделась, – а у меня ничего. Но это никого не касается.

– Вот, смущаешь моего мужчину! Партнера то есть, по кровати. Володя, вы на нее не смотрите, она женщина бессовестная.

– Я бессовестная? – блеснув глазами, Инесса приподнялась. – Вообще может Володя твой одеваться в обратную сторону и топтать домой. Мне никакого дела до него нет!

– Инесса Армандовна! Много себе позволяете!

– Фаина Арнольдовна! Чья бы корова мычала! В дурах осталась пять раз кряду и обиделась. Чего обижаться, коли суждено быть?

– Ах так, да? – вспыхнула Фаина толстой шведской спичкой, – а кто, скажите на милость, предлагал мужиков на ночь пригласить и бордель устроить? Кто сказал: вон-вон, два последних идиота из леса топают, давай их что ли кликнем, раз нормальных нет?

Володя срочно вылез из-под покрывала, начал одеваться, как всегда долго и трудно. Николая сбросил свои карты, тоже натянул малость подсохшие джинсы, задубевшие, мигом потерявшие пару размеров.

– Коля! Ты-то куда? Оставайся!

– Вот ещё, пусть тоже уходит. Мой уйдёт, а её здесь останется, чего не хватало! Не бывать тому!

В темноте улицы, цивилизованно расцвеченной кругами неона и квадратами окон коттеджей, моросил остаточный, усталый дождик.

Они чуть не прошли мимо своего коттеджа, ибо Коля почти убедил Гофмана идти опять дальше: ведь на крыльце снова висел гроздьями чужой люд. Которого они знать не знали, и ведать не ведали, или забыли после долгого странствия по тайге и лежания с гладкими женщинами на кроватях.

Но на этот раз Володю не дал себя уговорить.

Он яростно отмахнулся от Николая костылем и направился к дверям. Кругом весёлые разгорячённые лица. Горит яркий свет. Да, несомненно, это их комната, вон Герасимыч храпит на кровати, широко раскинув ноги в резиновых сапогах. Не состоялась вечерняя зорька из-за непогоды и рома.

А за столом прежняя весёлая компания выпивает, закусывая копчёной колбасой – мы их не знаем! Володя побледнел. За столом Пасюк держался хозяином, рядом с ним сидела Стюардесса.

– Откуда вы, утопленники? – удивился Пасюк, – чего грязными лезете в приличный дом?

– Смотрите, колбаса копчёная вдруг объявилась! – поделился наблюдением с Гофманом Коля, не обращая на внимания на Пасюковы глупости, – а на берегу, между прочим, не было!

Пасюку подсказали, что пришли хозяева помещения.

– Ребята, причаливайте! У меня этой колбасы, – распахнул здоровенный чемодан, – полно! Лопайте!

Володя открыл рот, возвышаясь над столом и колбасой, даже позеленел слегка, и содрогнулся.

– Уходите все... плохо мне, – зевнул невзначай, – сейчас...

Мигом сбросав палки колбасы в чемодан, Пасюк первый устремился к дверям. За ним, подталкивая друг друга в спины и, боясь глянуть на Володю, вся честная компания. На выходе даже немного закупились, пробку устроили из-за чемодана, так забоялись зелёного Гофмана.

Но Володя уже спокойно раздевался, стоя у своей кровати. Аккуратно развесил мокрые вещи, залез под одеяло.

– Хорошо, тихо! – удовлетворенно произнёс он, – погасите свет, а?

4.

Зато утро выдалось неподъемно тяжелым. У Гофмана отказала сгибаться здоровая нога, он попросил принести ему завтрак в коттедж. До занятий от них – рукой подать, как-нибудь дотащится, а вот до столовой и вправду не близкий путь.

В столовой Надин вела себя скромней обычного, зато Мара высоко держала гордую шею, глаза метали молнии.

– Это ты ночью скребся?

– Где?

– Не где, а куда. В дверь нашу из тамбура.

– И тихонько подвывал: «Девочки, пустите на пять минут», – Надин прыснула.

– Нет, не я.

– А мне кажется ты, – настаивала сердито Мариам, – голос на твой очень похож.

Надин подмигнула, ущипнула под столом:

– Нет, правда не ты? А мы на тебя подумали. Эх, ошиблись, значит, в лучших чувствах. А тогда кто же это такой храбрый? Не Гофман точно, он бы палкой колотил по ведрам, его по палке вычислить можно. Красилов – правильный семейный человек, неужто Герасимыч? Вот старый хрен, надо ему удочки переломать шваброй, и сказать: “Извините, мы случайно: прибирались – прибирались, слишком непорядок большой мужики развели на общей территории своими удочками. По вечерам забрасывают в озеро, а ночью во все стороны, куда придется”. Кстати, Николая, сегодня жару дикую обещали. Тридцать два градуса. Пойдем загорать на озеро?

– С тобой?

– Ну.

– Не-а.

– Тогда иди без меня, там встретимся. Ляжем рядом, обнимемся, хочешь?

– Кого Пасюк вчера на руках таскал, или мне приснилось?

- Допустим, и что?
- А то. Нам потасканные девушки без нужды.
- Не таскал, а носил, держа перед собой.
- Разница невелика: поношенные девушки тем более не требуются.
- Что, любовь погибла? – неожиданно расхохоталась Надин, – не любишь больше? Мара, послушай, он меня не любит! Ой, несчастная я, несчастная! А ты поухаживай за девушкой просто так, без любви, пригласи на танец в деревенский клуб. Вдруг пойду?
- На ручках поносить не надо?
- Ой, точно, как это я забыла? Поноси на ручках!
- Милиционеров не ношу. Вам, гражданочка, надо в соседний коттедж обратиться к некому Броне Пасюку, он за недорого оказывает подобного рода услуги: в пьяном виде таскает по пляжу милиционерш, тоже в дрезину пьяных. Сброситесь по три пятьдесят на бутылку рома, разопьёте на двоих и вперед, сколько угодно, время не ограничено.
- Обиделся что ли? На обиженных, Николая, воду возят. Мара, он правда ревнует. Щулер, а ревнует!
- После обеда тащились обратно в коттедж, переругиваясь дорогой.
- Я же тебе поэтому и говорю: поноси на ручках и вся ревность мигом улетучится, – продолжала надоедать однокурница, – твои внутренние возможности реализуются, устанешь и зависть пропадёт. Давайте, Николая, сделайте приятное девушке вне регламента.
- Размечталась. Глаз закрой.
- Надин дала кулаком по горбушке.
- А кто на кровати Фаины в карты резался? А? Думаешь не знаем? – ещё раз трахнула. – Всё знаем! На её ноге в карты играл!
- Ну и что?
- А то. Со старыми бабами в карты режешься на кроватях у них по ночам.
- Ещё стукнула спереди, в грудь. Николай не уворачивался, нёс завтрак Гофману.
- Ну и что? – спросил снова.
- А ничего, – с размаха треснула по шее, – будешь знать другой раз!
- Николай посвистывал, не глядя в её сторону, чувствуя, что она идет следом и бормочет что-то себе под нос. Резко заскочил на крыльцо, вошел в комнату, поставил завтрак Володе, сел на свою кровать.
- Надин уцепилась за руку, прижалась тощеньким бочком. Вот-вот именно эта цепкая клейкость в ней и не нравится.
- Шли бы вы, девушка... на свою половину.
- Уже надоела?
- Выше крыши.
- Так, да? Специально не уйду, буду сидеть, ничем не сдвинешь. Спорим? – Уже двумя руками схватилась под локоть, ещё крепче прижалась.

Начал отрывать без всякого снисхождения.

– Отвали, говорю.

Надин продолжала цепляться зажмурившись, наморщив лицо, словно боясь, что сейчас стукнут по голове.

Так маленький ребенок со страху морщится, очень-очень провинившись, когда, тянется к папеньке, хотя и предчувствует строгое наказание. Видно, папенька резок, в гневе за проступки наказывает хлесткими подзатыльниками, не задумываясь. Вот он и боится. Боится, но всё равно идёт навстречу зажмурившись, протянув ручки – обнять единственную свою защиту, прижаться к отеческому боку, куда ему ещё деваться, такому маленькому?

Молчаливый свидетель Гофмана сидел на своей постели, неторопливо поглащая еду, делая вид, что ничего не видит и не слышит. Николая захотелось отцепиться во что бы то ни стало. Отрывая Надин, отталкивал её изо всех сил. Еле удержался не дать в лоб. Лобик-то маленький, выпуклый, узенький, уже загорелый.

Вскочил, принялся трясти как грушу.

Надин жмурилась, болтаясь из стороны в сторону, не желая расставаться, держалась, пока всё же не отшвырнул куда подальше. Кинулась обратно цепляться. Он перескочил через кровать, Надин следом. Схватил жёстко за плечи, швырнул на кровать Герасимыча. Тотчас поднялась, вытянула вперед руки и, закусив губу, потопала к нему: «Прости меня, папенька! Никогда-никогда больше не буду!».

Николя оглянулся на Гофмана. Тот сидел суровый, стараясь не замечать, что кругом происходит: «Меня, конечно, не касаются ваши странные отношения, – говорило его надменное лицо, – но вы мне порядочно надоели! Что за драки между взрослыми людьми? Appetit портите!».

В третий раз, со всего размаху швырнул уже на кровать Красилова, так, что она подлетела вверх вместе с подушкой и усталилась на него выпученными глазами. Глаза наполняются, наполняются, наполняются. Развернулась, бросилась через тамбур к себе, громко пиная в темноте уже и без того сильно помятые ведра.

И сразу как рукой сняло. На занятиях перестала замечать Николая: не здоровалась, голову на плечо не клала, в лоб комара не била, сидела, спокойно конспектировала лекцию. Молча.

Исправилась. Вот так бы давно. Даже Мара удивленно смотрела в её сторону: неужели возможно существование без выкрутасов?

После занятий Гофман вроде более-менее расходился, и они с Колей решили сходить на озеро, где Володя не стал раздеваться, а сел на скамейку и принялся сушить на солнце не желающую сохнуть в коттедже одежду, да листать конспект.

На маленьком пляже собралась почти вся группа.

Мариам лежала на покрывале и была очень хороша, и знала, что хороша. Гофману приходилось снимать очки, протирать стекла, которые у него отчего-то мгновенно запотевали, стоило нацепить на нос.

Худошавая Надин ютилась рядом с подружкой. Следующим в данном ряду расположился Красилов в тёмных очках с конспектом, бумагой и ручкой. Он уже всю программу проинформировал свой оптимальный полив рисовых чеков на новом языке. Было множество прочих оголённых, в основном женских тел, красивых и разных. Не было Инессы с Фаиной.

По контрасту с внезапной жарой, вода в озере казалась холодной. Имеющие на причале три лодки уплыли от станции с загорающими.

– Вот где началось настоящее знакомство! – произнес снисходительно Герасимыч, среди бела дня появляясь в обычном брезентовом виде: с ведерком и удочкой. – Эй, Артур! Подбрось на другую сторону, – закричал весельной лодке, на которой плыли местные спасатели, – на этом берегу уже не половишь. Купальный сезон вишь открылся!

Скрипя уключинами лодка ткнулась в песок

Однако местные туристы-профессионалы турбазы пригласили в лодку отнюдь не Герасимыча. Герасимычу они сказали, что на другую сторону не поплывут, там им делать нечего. Им надо рекламировать здоровый образ жизни среди отдыхающих и понемногу вовлекать их в сплоченные туристические ряды.

– Всё с вами ясно! – очень язвительно хмыкнул рыбак, отправляясь в путь по бережку, дальше от пляжа.

Первыми, кого решили привлечь туристы на свою сторону оказались Мара и Надин. Девушки резво свернули покрывало, запрыгнули в лодку, после чего молодые люди повезли их по озерной глади – показывать местные достопримечательности.

Прыгая в лодку Надин нескромно посмотрела на Колю: “Съел? Меня-то пригласили, а тебя-то нет!”

Гофман тоже поднялся, взял палку. Сказал, что пойдёт учиться в коттедж. Здесь комары. Врёт, конечно. Единственное место, где комаров нет – пляжный берег озера с горячим белым песком, а в коттедже их множество летает, не столько кусая, сколь противно звеня и портя настроение.

Николя скучно учить Пиэль одному. Да и нечего пока особенно затрудняться. Он расстелил покрывало, что администрацией турбазы делать категорически запрещалось, но все делали, на месте, где только что лежали Мара с Надин и улегся загорать, подставив спину под лучи солнца, которое расстаралось сегодня не на шутку, размышляя на тему, как быстро рвутся связи между людьми. Сюда ехали одной сплочённой компанией, и вот теперь совсем другое дело: иных уж нет, а те далече. Ну, ладно, Надин не наша, но Марочка! Её поведение удивительно: здороваться стала уклончиво, кроме как “привет” слова доброго от неё не услышишь. Но как бойко скокнула, а? Будто ждала, что за ней приедут, и вот наконец-то дождалась! Постой, а может, и вправду договорились раньше?

Надин и то смутилась, хотя ей как раз не перед кем отчитываться – одинокая свободная девица, не добропорядочная мать ребёнка и мужняя жена! А как Мара на вокзале прощалась с мужем, как целовала! С закрытыми глазами!

За ужином давали рисовую кашу с маслом, варёные яйца, какао, белый мягкий хлеб. Высокоэнергетический туристский паек.

– Наплавался сегодня? – Надин как ни в чем не бывало, бодро уплетала свою кашу, мотала головой, что-то себе под нос мурлыча.

– А вы хорошо накатались?

– Ой, отпад! Поедем... кра-с-о-т-ка... кататься... давно я тебя поджидал! Понял? – и под столом пнула Николая, целя в коленную чашечку.

– Сегодня вечером идём в гости к туристам, пойдёшь с нами?

– Зачем мне ваши туристы?

– Наглеешь, Николенька? Просто сходим?

– Идите, ни в малейшей степени не препятствую. Только мне лично без интереса, – и посмотрел в сторону Гофмана.

Тот бы тоже не пошёл к туристам, даже за компанию с Марочкой. Или пошёл бы? Но Николай точно незачем переться, когда он, слава богу, никому ничем не обязан, и, кстати, ни в кого не влюблён, живёт в свое удовольствие, как белый человек. Улыбнулся Надин до ушей и подмигнул: знай наших!

И кашу тоже ел с удовольствием: сладкая, вкусная и смотрел при этом то на одну подружку, то на другую, то немного дальше, на Гофмана, который всё прекрасно слышал, сильнее, чем обычно горбясь.

Нехорошо. Ой, нехорошо, когда тебя девушки упрашивают, а ты кочевряжешься, выламываешься. Но приятно, чёрт возьми. Он бы согласился сразу, только непонятно: почему, собственно, подружкам на пару не сбегать к новым друзьям без него? Раз так хочется? Что за надобность в контролёре? Не ручаются за себя?

– Так идёшь? – Надин ещё раз пнула и попала.

– Так это, не сторож я жене чужой. Если шибко боитесь – не ходите вовсе, или попросите Гофмана сопровождать. Володя парень серьёзный, в случае чего, если туристы возникнут не по делу, знаешь как их палкой причешет?

– Не, палкой не надо. Я ж тебя серьёзно прошу – пойдём?

– Дай человеку поесть, – вступилась вдруг Мара.

Но подружка не унималась:

– Идёшь?

– Не пойму, зачем... да ладно, сходим, не жалко.

– Настаиваем, настаиваем. Для прикрытия, понял? Как-нибудь возьму тебя в ночную разведку, если конечно проклятые фашисты вновь посмеют напасть на нашу советскую родину. Сам знаешь, в мирное время девушки в разведку не ходят. Только в турпоходы, иногда в гости. В основном к мальчикам.

К мальчикам направились в одиннадцатом часу вечера. Было светло, как в обычном Приполярье.

Дверь открыл мальчик лет пятидесяти пяти, одетый в синий тренировочный костюм, седой, но поджарый, высокий и крепкий врач турбазы, который представился Сашей и радостно блеснул при этом многочисленными золотыми зубными коронками. Они вошли в домик начальствующего состава базы без всякого священного трепета. Руководителю туристической подготовки Сереже, напротив, не более двадцати, ну двадцать два от силы. Действительно, мальчик с милым есенинским лицом, льяными волосами. Один из тех двух, что приплыли на пляж и увезли Мару и Надин. Второй – спасатель турбазы по имени Артур также присутствовал.

“Два плюс четыре, – начал производить несложные вычисления Николая, увидев на столе знакомые бутылки с желтоватым составляющим коктейля “Гавана клуб”, инстинктивно морщась, – нет, пить сегодня не будет, сколько можно? Получится три плюс два плюс свидетель”.

Своим отказом потребить уже налитые сто грамм Николая удивил, чуть ли не испугал Серёжу, и расстроился всех остальных.

Надин прошипела:

– Выпендриваешься?

– Учимс-ся, девушка, завтра с утра!

Попыталась, как всегда пнуть под столом, но попала в ножку стола и расплескав «гавану», сразу успокоилась.

– Да пусть человек немного здоровье побережёт.

Несмотря на благодушие врача Саши, наличие трезвого свидетеля, явно смущало пьющих. После второго стаканчика, чтобы разрядить обстановку Сережа взял гитару. Все присутствующие называли его просто Адмиралом и он без улыбки откликался.

Врач с интересом поглядывал на Марочку. И Адмирал, и спасатель Артур, который перестал ускользать взглядом, все очень внимательно смотрели на Марочку, Адмирал даже пел конкретно ей, это нетрудно заметить.

А та, со слабой улыбкой на устах, скромно опустила густые ресницы, отчего неясно даже, устала за день, или благовоспитанной девицей держится.

Врач Саша вздохнул: «И-и-е-ех!», после чего, ровно одумавшись, принялся опекать Надин, подкладывая ей разогретую туристскую еду – гречневую кашу с тушёной на пустую тарелку с отеческой нежностью, но как-то не вдохновенно, скорее по привычке старого кавалера. Подлил рома в пузатый бокальчик.

Надин развратно улыбалась.

Николя с интересом слушал туристские песенки, помалкивал, знай, налегал на гречку. После третьей дозы горячительного напитка речь зашла о предстоящем походе на байдарках.

– Это трёхдневный поход, – принялся объяснять Адмирал Сережа, обращаясь к Николаю с непонятной вдохновенной горячностью, будто

путешествие предстоит за его, Николая, счет, – будем сплаваться по реке, две ночевки с кострами, песнями...

– Природа... чудеснейшая на всем пути, – поддакнул Артур, с наслаждением погладив красивую шведскую бородку. – Ночи предстоят волшебные. Фирма гарантирует отличное времяпровождение! Кроме того, останется столько впечатлений, что хватит вспоминать всю оставшуюся жизнь.

– И заметьте, серьезная проверка организма, столь необходимая в переходном возрасте, – мигнул по-свойски врач Саша. – В вашем возрасте молодые люди должны знать на что способны, а на что нет.

– Я знаю, – кивнул Николая, покончив с кашей. На столике заметил остатки оберток брикетов и уточнил, – сухой паек?

– Остатки, – кивнул Сергей, – тушёнка свиная натуральная, а вот попробуй консервы рыбные, тоже классные.

– Да, отличная вещь, – не стал отказываться Николая, цепляя ложкой от стеснения сразу полбанки. – Отличный паек, высоко-ка-ло-рийный.

– Имей в виду, у тебя есть шанс участвовать в походе на байдарках. Девчонки уже согласились. Поплывём?

Тут честная компания перестала разговаривать, жевать и устремила взгляды в его сторону.

Николя чуть не подавился. На него мигом нахлынули разом воспоминания о походах детства, пионерского отрочества и комсомольской юности, в коих он принимал участие в добровольном или принудительном порядке.

И не было среди них ни единого, который бы не закончился неприятным происшествием для него лично. Где бы он не упал с дерева (зачем залез – не помнит, тоже, наверное, не от хорошей жизни), или его не укусила змея, или растянул колено и хромал с двумя палками, как инвалид, всю обратную дорогу, а прочие от души потешались, думая, что он так веселит публику. Хотя нет, имело место путешествие, во время которого с ним ничего не произошло, зато ещё более неудачливая участница вообще сломала ногу. Пришлось эвакуировать её на самодельных носилках и собственном горбу по пересеченной местности с середины пути.

Ни под каким соусом не согласен! Никакие Мара с Надин не затянут его в очередное дурацкое мероприятие с леденящими ночевками в палатках, переворачиванием лодок, прочими сюрпризами дикой природы. Ему двадцать три. И он человек разумный. «Я – человек разумный, – повторил Николая про себя, – и никому ни на какие приманки не поддамся, как бы ни уговаривали раз ... два... пять сумасшедших, стать таким же, как они на несколько дней... всего-то. Нет-нет-нет, чур меня! Ни за какие коврижки, увольте!».

– Что вы, народ, занятия, пропускать нельзя. Мне первый отдел не простит. Знаете нашего кэгебиста Олега Ивановича? Суровый мужик и всё про всех знает.

– Уходим в пятницу, пропустите один день, вернёмся в воскресенье.

– Не любитель бегать с рюкзаком. Извините.
 – Рюкзаки поплывут на лодке, таскать не придётся.
 – Я так и знала, что он откажется, – произнесла Мара с непостижимой болью в голосе.

– А вы езжайте. Плывите... сплавляйтесь, то есть. И ты, Мара, и Надин. Зачем вам я? Наоборот, без меня даже лучше будет. А я тем временем лекции законспектирую и дам списать. Олег Иванович ничего не узнает на этот раз. Езжайте. Если хочется, почему не съездить?

Надин усмехнулась невесело. Нет, не так улыбаются буйные девицы после трех пузатеньких бокальчиков кубинского напитка из сахарного тростника, а Марочка зыркнула из подлобья, давая понять, что с сегодняшнего вечера он её личный враг номер один на все грядущие времена.

– Нам не хватает одного человека в лодку, – уже как бы и не веря, в то, что Николая поедет, падшим голосом пояснил Сергей, – байдарки-двойки у нас.

– Для численности зовёте?

– Для численности.

Адмирал сидел маленький, даже не обиженный, а просто на голову разгромленный, потерявший весь флот до последнего матроса, флаг и тот утоп. Здесь можно понять: плановый поход срывается, работа не выполнена, за что зарплату платить? Коле наравне с прочими сделалось грустно за то, что, сам того не ведая, подвёл хорошего человека.

– Ладно, если для численности, давайте сплаваем. – Тут же пожалел: «Неразумный я человек».

Но плакать было поздно.

5.

В разобранном состоянии байдарки предстали брезентовыми, здоровенными мешками неприятных размеров – рюкзаки с ними и рядом не стояли! Их закинули в тентованный грузовик вместе с палатками и продуктами. Все переоделись в пятнистые штурмовые костюмы, обулись в туристские ботинки, вид приобрели бывалый, настолько бравый, что проезжая мимо близлежащей деревни скинулись, и Артур сбегал закупил в магазине несколько бутылок рома.

Гулявшие без присмотра по небу с утра пятницы тучи надвинулись сурово, почти сразу после отправления зарядил дождь. Находясь под брезентовым пологом уютно ехать в неизвестном направлении по мягкой, песчаной лесной дороге, когда снаружи льет, а ты сидишь в сухости и тепле. Грузовик еле вмещался в узкую колею, по тенту скребли лапы елей, было ясно, что они углубляются в непроходимую чащу. Через пару часов

добрались до исходной точки похода, а дождь разошелся, не думая прекращаться. Сплошной ливень, опять как в прохладных тропиках.

– Э, вылезьте, – крикнул из кабины шофер, – довёз куда договаривались, мне обратно надо.

Ничего не поделаешь, сбросили из кузова вещи прямо на мокрый песок, сами вышли под дождь. Машина уехала. Пересекли сочно чавкающий под ботинками зелёный луг, остановились на берегу свинцовой реки, по которой предстояло с утра сплавиться.

Темнело. Начали искать ветки для костра и одновременно устанавливать палатки. Артур очень опасался за гитары, взятые в поход, потому серебристую маленькую одноместную палатку соорудил мгновенно, сокрылся в ней и забренчал на инструменте. Мара с Надин влезли к нему, а Маша с Ирой остались с Адмиралом и Николая ставить вторую палатку. Костёр разгораться не желал. Красивая пятнистая форма, как у десантников, оказалась вполне промокаемой. Когда вторая палатка встала под дождевые струи, Мара с Надин переместились в неё вместе с Адмиралом. Тем более, что гитара у того тоже была, а пел он даже лучше Артура, нежнее, без хрипотцы. Впрочем, Маша с Ирой утверждали, что с хрипотцой романтичнее.

У Маши русые волосы гладко зачесаны назад, лицо милое, беззащитное, с большими добрыми, несколько наивными глазами. Брюнетка Ира гораздо красивее смотрится, черты лица изящные, взгляд быстрый, даже внезапный. Обе уже влюблены в Артура и от того слегка сердиты на Николая, что по палатке он их компаньоном оказался, а не певец с хриловатым голосом.

Третью палатку начали ставить втроем: Николая, Ира и Маша. Дождь хлестал по строителям на манер пожарного брансбойда. Но как костёр не возжелал разгореться, так и с третьей палаткой ничего не вышло: колышки не держали её тяжести, выскальзывая из болотистой почвы. На сухом спирте разогрели банки тушёнки. Поели с хлебом и ромом, что под струями дождя вселило некую уверенность в себе.

Вот именно благодаря этой уверенности, не иначе, сквозь мутную пелену дождя, на другой стороне огромного луга Николая заметил строительный вагончик. Какая-то стройка велась на раскуроченном берегу реки в том месте – её или законсервировали, или забросили по неизвестным причинам. Валялись бетонные плиты, берег разрыт и размыв дождями, но ни техники, ни людей уже нет. Вагончик стоял среди груд глины и песка. Рядом, с пригорка рушился в реку густой, как облепиховый кисель, жёлтый, мутный ручей.

На их счастье вагончик оказался не закрыт на замок. А внутри и вовсе обнаружился замечательный комфорт: сухо, пусто, никаких вещей, даже скамеек нет, но это и лучше. Через маленькое оконце проникает слабый свет. Вот она, радость! В дождливой тайге настоящая крыша над головой, не брезентовая! После принятой дозы рома, мокрые, безнадежно уставшие от борьбы со стихией, они свалились с ног и мгновенно уснули. Николая так

просто рухнул на затоптанный пол не раздеваясь, не чувствуя ни малейшего неудобства, и даже под голову ничего не подложил.

Он выпил вполне достаточно, чтобы не чувствовать комариных укусов, однако посреди ночи, в духоте ощутил мучения жажды. Проснулся. Сел. Маша с Ирой спали в другом углу, но рядом кто-то лежал худой, в больших туристских ботинках. Сверху в жестяную крышу зверем бился ливень, ревел и выл как живой. Сейчас бы выйти наружу, подставить лицо под струи, и пить, пить, пить!

– Что, пить хочешь? – поинтересовался лежащий рядом человек участливым голосом Надин.

– Ага.

– Возле дверей есть ведро, принеси воды, я тоже хочу.

Нашарил ведро и открыл дверь. Интересно знать, сколько времени может продолжаться это светопреставление? Час? Два? Всю ночь?

Однако пить, подняв лицо вверх, не получалось. Дождь выхлестывал глаза, натекал в нос, не давая дышать, а в рот, как в сказке, ничего не попадало. Он погрузился в тёмное водяное пространство и будто пошел по дну глубочайшего в мире океана, находясь в котором трудно дышать обычным способом, где те остатки жабер, имевшиеся в состоянии плода? Здорово бы пригодились.

За вагончиком с рёвом нёсся прежний ручей, за прошедшие часы ставший много шире и громче. Николая хорошо помнил, что вода в нём слишком грязная, поэтому решил добраться по краю ручья до реки, зачерпнуть там.

«Нет, здесь не получится спуститься, – подумал, заглядывая с обрыва вниз, повернулся идти искать другой спуск к реке, в том низком месте, где они ставили палатки, и вдруг земля под ним как-то слишком легко и неуловимо двинулась вниз.

Ничего не успев сообразить, только сильно взмахнув руками, словно неистовый модный дирижер, в очередное мгновение ощутил себя едущим вниз головой со страшной скоростью по склону в реку. Рядом оглушительно ревел, падая с высоты Ниагарой бешеный ручей.

Пальцы пытались схватить жидкую глину, текущую вниз вместе с ним.

Он не выплывет. Нечего даже мечтать, когда намертво зашнурован в туристический костюм, а на ногах тяжёлые ботинки, которые невозможно сбросить, чтобы поплыть. И главное, Николай пьян веселящим кубинским ромом, под который, может быть, и хорошо отплясывать вокруг костра с веселой компанией, но чрезвычайно легко тонуть в холодной, быстрой реке, когда беспомощно валишься вниз головой с крутого берега.

Всё, финиш. Хорошо, что успел подумать: «Всё, финиш». На него с ходу набросилась неизвестная проворная речная зверюга, заглотила левую ногу вместе с ботинком и обмундированием по самое колено, страшно рванула, аж сустав растянулся, щёлкнул.

И начала бесцеремонно возюкать туда-сюда, вниз-вверх по глинистому склону среди потоков льющейся холодной грязной воды.

Крокодил? Он пытался перестать думать: «Всё, финиш», задаться вопросом: кто бы это мог быть? Ведь до речной воды не долетел, по-прежнему болтается вниз головой, страшно переживая по поводу грядущей гибели, дико жалею неудавшуюся жизнь.

Неужто Надин шла следом и успела в последнее мгновение поймать за ногу? Ерунда. А больше некому. Нет, не может быть. Какая-то неизвестная, нечеловеческая сила легко держит его почти на весу, поигрывает будто в нерешительности, колеблясь: отпустить падать дальше или спасти?

Ладно, пусть живёт, дурачок.

Вовремя спасшая от неминуемой смерти сила, при ближайшем ощупывании оказалась пружинистым куском арматуры полметра длиной, торчащим из бетонной плиты, почти полностью замытой глиной. Обычно такая убивает, а тут решила в виде исключения спасти.

Арматурина зацепила капроновый шнурок ботинка, благодаря чему Коля болтался головой вниз, елозя спиной по крутому обрыву, захлебываясь и кашляя в потоках льющейся воды.

Жить всем хочется и даже пьяному, насквозь мокрому, глинистому человеку, что продолжает, несмотря ни на что, испытывать среди обилия воды невероятную жажду, и пребывать в состоянии, когда невозможно напиться!

Подтянулся, выполз на торчащий верхний конец плиты, встал на нём, распрямился. И понял, что до спасения ой как далеко.

Он находится под краем обрыва, одна голова торчит. Предстояло запрыгнуть наверх, и нет уверенности в том, что это получится с первого раза, что не скользнешь в полном мраке куда-то вниз, обратно, в близко ревущую, абсолютно невидимую реку.

Да что там думать: вцепиться покрепче в траву и подпрыгнуть, всего-то делов! Коля приподнялся на носочки, вытянул вперед руки в поисках травы... и наткнулся на ботинки.

Неведомый человек стоял прямо над ним, оперев руки в колени. Заглядывал вниз. Поэтому дождь на Колю не сверху льёт, лишь по груди да шее ручьем скатывается с обрыва.

Человек не видит его головы у своих ботинок, а Коля не видит самого человека над собой, но чувствует – это Надин, и вот-вот край земли под ней тоже обвалится, рухнет туристка на него, а ему даже посторониться некуда.

Обращаться по имени не решился: подумает девушка, что он из-под земли речи ведёт, рванется, и опять же земля рухнет. Неудачно встала! Как бы попроще выразиться, чтобы не испугать?

– Слышь, дура, ты это... отойди метра на три от края и стой тихо. Не вздумай мешать, когда буду вылезать, а то оба в речку сыграем.

Ботинки исчезли. Опять пошёл дождь.

Николя подпрыгнул изо всех сил, закинул правую ногу наверх, начал подтягиваться за траву, которая легко расставалась с размытой в жидкую грязь почвой. Настал миг равновесия: ни туда – ни сюда. «Сейчас поеду обратно», – подумал огорченно и, чтобы этого не случилось пошире

отворив рот, вонзил зубы в землю, как экскаваторный ковш, пытаюсь затормозиться хоть как-нибудь.

В эту же секунду Надин схватила его капюшон, рванула к себе. Так и проборонил челюстью по грязи не меньше метра.

Рот забился плотно, языка не повернуть для произнесения слов благодарности.

Некоторое время лежал на животе, торопливо выковыривал из себя глину. Потом встал и, ничего не говоря, бросился в сторону вагончика. Как сразу не придумал? Нашёл место, где с крыши по стеку сбегает ручей, умылся, долго полоскал грязную глотку. Надин, стоя у другого края, пила.

– А ведро куда дел? – спросила, когда Коля подошёл к двери.

– Там осталось, – махнул неопределенно в сторону реки.

– Сам дурак, – тотчас обозлилась Надин, – ведро чужое потерял, вот болван!

В вагончике Николая с размаху бухнулся на пол, хлестанув брызги во все стороны, в который раз проклял романтику дальних и ближних походов: «Больше никогда, чтоб я сдох!».

Надин устроилась на прежнем месте. Сквозь оконце в вагончик вливалось удивительно много света. Внутри светлее, чем снаружи.

– Ты почему здесь, а не в палатке?

– Да ну её, палатку, протекает и холодно.

К утру вселенское ниспровержение воды с небес завершилось благополучно, без потопа.

Бодро помахивая руками туристы высыпали на заливной луг, принялись собирать байдарки под руководством Адмирала.

На них сразу набросились тёмные комариные тучи. В одну секунду штормовки и штаны покрылись толстым, серым, неприятно шевелящимся слоем. Такого количества кровососущих на один квадратный сантиметр Коля не видел прежде никогда и размазывать их по себе – дело бесполезное: тут же грязное место с ещё большей охотой занимали следующие звенящие слои. Страшно делается и не напрасно: лицо, между прочим, открыто и руки тоже. А отмахиваться некогда, надо байдарочные остовы собирать из алюминиевых трубок.

Пальцы мигом распухли от бесчисленных укусов, кожа потеряла чувствительность, лишь легкие бесконечные покалывания, будто сильно обжегся крапивой. Лица приобрели общее выражение добрых пампушек с узенькими щёлочками глаз.

Буквально за двадцать минут всенародная внешность изменилась до неузнаваемости, все сделались неразличимо близкими родственниками.

Последнюю лодку ему пришлось собирать вдвоём с Надин.

“А что будет, когда сядем в лодки, на реке? Когда надо будет грести?” – буквально выл внутри себя Николая, но вслух ничего не говорил. Только открой рот, попробуй, мигом подавишься.

Даже Адмирал высказал краткое удивление по поводу обилия комаров: “Раньше было меньше”.

Николя приготовился терпеть две ночи и три дня, прекрасно понимая, что это физически невозможно. За такой срок их обгложут до костей.

Они же оказались и последней лодочной парой. Мара поплыла с Адмиралом. Артур сидел на одинарной личной байдарке, вёз в ней палатки. Скромно-молчаливая Маша плыла с нескромно-молчаливой Ирой. У Маши глаза тихие, а у Иры молнии мечут.

– Сожрут нас комары, – произнесла Надин с тихим отчаянием, ступая в байдарку с берега, – у меня морда уже как подушка, а ещё три дня и две ночи. Я ж умру.

– Не умрём небось, – воспротивился для вида Колька, – предыдущие идиоты не умерли, значит и мы не умрём.

Оттолкнул лодку от берега, запрыгнул.

– Откуда знаешь, что не умерли?

Замахали веслами, торопясь пристроиться в хвост каравана. Русло неширокое – всего-то метров двадцать, но течение стремительное, как на горной реке, даже без весел лодка идет довольно быстро, а на веслах просто летит.

И тут произошло невероятное, сверхъестественное чудо – лицо и руки перестали покалывать комариные укусы, то есть ещё очень жгло, но окружающие тучи насекомых в миг куда-то подевались. Остались ровная гладь воды, переливающаяся на солнце, красивые зелёные берега и синее-синее небо. Лодка мчится плавно и уверенно.

Николя расшнуровал, стащил с головы капюшон – подлога не было: комары и вправду исчезли. Вообще ни одного не осталось. Ему не верилось. На реке их просто нет, вот здорово!

Надин тотчас сняла не только спасательный жилет, но и штормовку.

Каждый взмах её весла выплескивал на Николая приличную порцию холодной воды.

– Не гребь, я уже весь вымок.

– А что делать?

– Сиди, отдыхай.

– Тогда петь буду, – решила вперёдсмотрящая девушка, – какую песню хочешь? Заказывай.

– Любую. Можешь и молчать.

– Нет, тут так здорово, что лопнуть можно от восхищения, если не петь.

Однажды было лето – оно внезапно началось.

Однажды было лето – оно так много значило.

Однажды было лето, что в памяти меняется,

Однажды было лето, оно не повторяется. 1)

Надин пела, эхом ей вторила Мара. Лодка летела мимо берегов. Солнце, вода, девушки поют над водной гладью, что ещё надо, идя вниз по течению? Ой, не зря народ сплавляется на байдарках-двойках! Какое удовольствие!

Для проведения обеда причалили к таинственному лесному плёсу.

Берег практически ровень с водой, песок чистый-чистый, а вокруг песчаного пятка высокая плотная стена из сосен и берез, обвитых доисторическими лианами и непонятно, как такая полянка могла organizоваться? Главное, нет следа человеческого пребывания – ни банки тебе ржавой консервной не валяется, ни окурка. Чистенький влажный песок после вчерашнего ливня и все. Комаров тоже нет.

Четыре байдарки дельфинами улеглись на мокром песке.

– Костер разводить не будем, время дорого! Кашу сварим на примусе!
– Сергей принес его из байдарки, установил на песке, зажег, подкачал. Синее пламя жарко фыркнуло, засвистело.

Девчонки заставили Колю лезть в воду, чтобы зачерпнуть воды подальше от берега, но слишком удалиться трудно – один шаг и глубина такая, что с ручками, с ножками, а вода будто минусовой температуры, стремнина напоминает горный поток, никакого желания плавать.

Тем временем Адмирал забросил на берёзу длинную проволоку, включил рацию.

– Ахтунг! Ахтунг! Говорит “Чайник”, как слышно? Прием!

– Прямо с турбазой связь будет? – удивилась Мара, стоя рядом с Адмиралом и глядя восхищёнными глазами.

– “Чайник”, “Чайник”, я – “Кастрюлька!” – раздался тревожный женский голос в ответ, – как у вас дела?

Связь оказалась не только с базой, но и прямо с женой Адмирала, игравшей роль радиста основного лагеря.

– “Кастрюлька”, всё идет по плану. Сейчас привал. Варим кашу. Конец связи.

– Я люблю тебя, Серёжа!

– Конец связи! – растерялся руководитель похода.

– А ты?

– Я?... тоже... конец связи.

Не дождавшись ответа, отключил рацию.

Смущенно, и вместе с тем деловито принялся сматывать антенну. Та зацепилась за сук. Пришлось повозиться. Мара выглядела скромнее обычного, так низко опустила голову, что плечи сгорбились по-старушечьи.

Прежде Николая не понимал странных слов, намеков и отговорок, теперь они разом сложились в единую простую и ясную картину – Адмирал женат. Николай припомнил его жену, видел их вместе: небольшого роста полную женщину, работавшую на турбазе, лица которой не запомнил, зато

сейчас, представив подробнее полноту молодого тела, понял, что она не толстая, но беременная.

Взглянул на Марочку с соболезованием. Точно так же смотрела в её сторону Надин, а Ира с интересом.

Зато каша с тушёной получилась отличная и главное много – сразу и завтрак и обед.

– Давайте отдохнём здесь? – предложила Ира. – Позагораем. Комаров вроде нет. Загадочная, дикая природа.

– В лодках отдохнём, – с хода отнёс предложение Адмирал. – Сильно грести не будем, течение сейчас мощное, вода поднялась.

Но когда садились в лодки, диспозиция резко поменялась. Переговорив с Надин, Марочка вдруг запрыгнула в лодку Коли, а Надин пошла к Адмиралу.

– Что это вы надумали? – спросил Никола у Надин.

– Да вот, разнообразия ищем, – хмыкнула та, – по просьбе радиослушателей.

Мара сидела впереди, застыв индуистским изваянием, не оборачиваясь. Не грела, не пела, разговор не поддерживала.

Зачем такая нужна? Только горизонт застит.

Перед ночёвкой развели настоящий костер. Производственную связь с турбазой Адмирал на этот раз установил в отдалении от места стоянки, чтобы никому не было слышно, как “Чайник” будет разговаривать с “Кастрюлькой” о любви.

Так же поняла происходящее Мара, ни на никого не глядела и слегка дёргалась.

На сладкое разлили по кружкам чай с сахаром. Артур добавил туда же рома. Получилось вкусно, тепло и энергично. Единственным человеком, который не мог скрыть, что подавлен обстоятельствами, был Адмирал, ему не помог даже горячительный напиток. Он пил, морщился, будто ужасно обжигался и молчал. Радиосвязь с женой подействовала на него скверным образом. Считая себя виноватым пере коллективом, ерошил на голове льняные волосы неотрывно глядел на языки пламени, авторитет его тем временем падал. Начала разброд и шатания Мара.

Сразу после ужина нырнула в палатку отдыхать, забрав с собой Надин. Артур с гитарой прочно расположился у костра и запел для оставшихся. Когда стемнело, выползли из палатки проспавшие концерт, и тогда на помощь главному артисту пришёл Сергей со своей гитарой.

– Ну, ты, подвинься, я сяду, – сказала Надин Кольке.

Она натянула куртку, а под куртку свитер, что сделало её несколько менее худощавой. К ночи на реке сильно холодает.

– Песня про девушку с веслом, – сказал Адмирал. – Славным байдарочницам всех времён и народов посвящается.

*Я в грозу и дождь ужасный
Ставила палатку.
Я на байду целый день
Клеила заплатку.
Но когда доплыли в речке
До ужасной бочки,
Я по берегу скакала
По болотным кочкам.*

*Ведь баба – дура, бабадура,
Ей в порог нельзя!
Посреди валов начнет
Подкрашивать глаза! 2)*

– Завтра на кашу можешь не рассчитывать, – обиделась Ира, – мы гребём не хуже некоторых. Да ещё обед готовим для вас. Что-нибудь хорошее спеть можете?

– Приятно для души?

– Конечно.

– Для женской души? – уточнил Артур, – это сколько угодно, только успевайте слушать, девушки!

*Ты у меня одна, словно в ночи луна,
Словно в году весна, словно в степи сосна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Нет за туманами, дальними странами.*

*Вот поворот какой делается с рекой.
Можешь отнять покой, можешь махнуть рукой,
Можешь отдать долги, можешь любить других,
Можешь совсем уйти, только свети, свети! 3)*

У костра хорошо, тепло, уютно, так бы сидеть и сидеть всю ночь, слушая песни. Замечательно им быть вместе среди суровой безлюдной тайги, рядом с холодной рекой, на гладком песчаном берегу. Ох, и здорово чувствовать рядом плечо и бездумно улыбаться.

По левую руку от Артура – Маша, по правую – Ира. Обе заморожено смотрят поющему в рот. Сам певец глядит только в костер. Красные огоньки мерцают в зрачках.

Адмирал поет Маре, только ей и смотрит лишь на неё.

*Мне звезда упала на ладошку,
Я её спросил: – Откуда ты?*

– *Дайте мне передохнуть немножко,
Я с такой летела высоты...* 4)

Прекрасно ясно, что звезда с необыкновенной высоты – Мара. Она стеснительно опустила глаза... Николя словил-таки момент, блеснули снова, как тогда, в столовой. Но это не в счёт, будем считать бликом костра.

А вот если сидишь с Надин рядом, согретый общим теплом, и взгляд горит в огне рядом с её взглядом, то разве не говорит он ей то, что Артур говорит Маше или Ирине?

Треснуло, расколосось полено: искры, напоминающие в черноте неба звёзды, вспорхнули, и, в отличие от падающих звезд, понеслись не вниз, а вверх. Быстро, будто выстреливают, торопясь на небеса занять места упавших.

И Надин тоже, не падающая на ладошку звёздочка, не устало-зеленоватая, но малиновая, взмывающая кверху, а коли уж свалится обратно, то берегись, обязательно прожжёт капюшон штормовки, волосы подпалит, такая натура вредная. Нет, чтобы сидеть тихо и спокойно с влажно блестящими глазами, как у Иры или Маши, все чего-то руку его пытается своим локтем куда-то развернуть. Приёмчик милицейский повторяет, боится забыть?

– Спортом не занимаешься?

– Нет.

– А видно, между прочим. Надо будет тобой как-нибудь заняться. Завтра с утра физкультуру заставлю делать.

– Се-рё-ж, спой про глаза, – просит Ира умоляюще-протяжно.

Мне говорят: "Какой резон в твоих палатках на снегу?"

Мне говорят: "Не тот сезон!" А я иначе не могу.

А я люблю гонять чай с веселым привкусом дымка

И все глядеть в глаза твои, зеленоватые слегка... 5)

Романтика заструилась по ночным окрестностям, Адмирал опять поёт конкретно для Марочки. У костра все свои, чего стесняться? Когда наступает очередь Артура, тот как бы никому, адресуясь непосредственно языкам пламени, в котором его слова сгорают, уносясь в черноту неба красными искрами. Но вдруг, ни с того – ни с сего, взглянул на Машу со значением, определенно давая понять, что следующая песня принадлежит ей и только ей.

Среди миров, в мерцании светил

Одной звезды я повторяю имя,

Не потому, чтоб я ее любил,

А потому, что мне темно с другими... 6)

Без переводчика ясно, что песня для Маши, пусть Артур смотрит, как и прежде – в костёр.

Теперь у Маши глаза сверкают, а Ира поскуичнела, отодвинулась в сторону, в темноту. Песни звучат – одна лучше другой. Артур поёт Маше, Сергей Марочке, что сидит полностью прильнув к нему с полуприкрытыми глазами. Даже не подумаешь, что какие-нибудь полчаса назад в своём туристическом обмундировании у того же костра они смотрелись боевым отрядом на привале, разведгруппой на задании, где возможны лишь товарищеские отношения. А теперь началось нечто. Между Адмиралом и Марой, Надин и Николая, Артуром и Машей... или Ирой.

*Я бы сказал тебе много хорошего
В ясную лунную ночь у костра.
В зеркале озера звёздное крошево
Я подарю тебе вместо венца.   7)*

Девушки заморожены: слова звучат самые-самые замечательные в мире: ясная, лунная ночь, озеро, зеркало, венец, звёздное, подарю... И смысл улетает от них, уносится куда-то, остаются: ночь, озеро, зеркало, подарю, звёзды, венец... Им бесконечно нравится, пусть бы Артур пел ещё и ещё.

Мару наркоз не усыпляет, на губах снисходительная усмешка: “Разве нельзя, чтобы сразу и звёздное крошево и венец? – иронизирует взгляд. – Что-то не получается. Либо-либо. Либо ясная луна с купанием в звездном крошеве, либо венец. Почему, собственно, такое жёсткое разделение?”

А если посмотреть с другой стороны, венец – есть лишь достойное завершение. Начинать с него в первую же ночь невозможно, сначала очень хорошо дарить то самое звёздное крошево, вот только упоминание, что оно вместо венца, говорит нам, что подарок не вполне бесплатный”.

Мара смотрит на Иру и Машу несколько свысока, с прищуренной улыбкой, неумолимо констатирующей, что их будущее – не Артур. Тот убеждённый холостяк, у него нет недостатков в женщинах, в каждом походе новых, он судьбой привязан к этим песенным историям, бесчисленно-разным девушкам. Которым, увы, после курсов предстоит возвращаться к домой. Возможно напоследок поссорятся из-за Артура. И каждая будет считать другую разлучницей, испортят отношения не из-за чего, глупенькие.

Но чужую беду – руками разведу, а тут свое счастье несчастное в виде Адмирала.

– Уже два часа ночи! Всё, я пошла спать!

Адмирал как по команде вскочил, и следом в палатку, но Марочка обернулась:

– Надин ... идём?

– Н..нет ... я ещё немного ... посижу.

– Тогда и я посижу.

Но мужское решение так быстро изменять нельзя! Пришлось Адмиралу одному лезть в командирскую палатку и сидеть внутри.

В конце концов Марочка чуть не слезно уговорила Надин идти спать. Надин подняла голову с плеча Николая.

– Ах, как тяжело расставаться мне с тобой, милый... друг! Так бы сидела и сидела всю ночь напролет! Так нет, надо идти лежать, что за жизнь?

И ему не хочется, чтобы Надин уходила. С ней рядом хорошо, тепло. Вечно Мара все доброе портит своими выкрутасами.

Они ушли.

Ира тоже исчезла в палатке.

Песни Артура – сплошные горячие послания Маше. Маша им внимает, не отрывая от певца заворожённого взора, и у постороннего человека при этом возникает ощущение, что если бы Артур встал и отправился куда-нибудь со своей гитарой сейчас, загипнотизированная пошла бы следом, через леса и горы. И шла всю жизнь.

Решив оставить их у костра наедине, Николай забрался в свою палатку, где спала Ира. У них на пару с Машей спальный мешок, она покоилась в нём. Николай прилёт на брезентовый пол рядом с мешком. От речного мокрого песка сквозь брезент легко проникали холод и сырость. Он вертелся и так и этак, бесполезно, не уснуть. Выпить рому для бесчувственности? У костра где-то осталась бутылка.

Вылез из палатки. Маша сидела рядом с певцом, положив ему на плечо голову, тот пел совсем тихо.

– Выпьем чуток? – предложил Николай.

Парочка согласилась.

После Артур с Машей отправились поживать: Артур к Адмиралу, где также Надин с Марой, а Маша к Ире.

Николай остался у костра. Ему казалось, что здесь можно запросто пересидеть ночь. Верхи деревьев усыпляюще шумели, накрапывал реденький дождь. Просидев с час, он вернулся в палатку. Девчонки спали в мешке. Брезентовый пол намок еще сильнее, а делать нечего – надо позабыть о неудобстве и лечь. Ежели без стеснения прижаться к мешку, то немного терпимей переносить ночь.

Под утро кто-то рухнул на него сверху, отбросив к стенке. То был Артур, который в адмиральской палатке тоже спал с краю, замерз и прибежал к ним погреться в середке. Артур – певец, причем хороший певец, ему простительны маленькие вольности.

6.

В пять утра солнце еще не показалось из-за деревьев. Дождя нет, его унес холодный ветер, раздувающий бока палаткам.

Внутри них сыро, зябко, лежать невозможно, а снаружи и вовсе зуб на зуб не попадает.

Несмотря на ночной дождь, заливший костер, под горелым поленом, в пепле, он разгроб черные угли, поджег бересту и навалил сверху хворост, пока больше дымящий, чем дающий тепло.

Из палатки выполз Адмирал, совсем не адмиральского вида. Видно тоже здорово замерз, коли сразу быстро-быстро к костру, влез в черный дым весь целиком и полностью.

– Уф! Помню однажды на восхождении ночь провел на “балконе”, замерз, как в холодильнике, еле дотянул до утра, думал окочурюсь. Здесь почти курорт, даже костер живой, а там реально боялся замерзнуть. Уже знаешь, верхушки гор окрасились, а балкон по-прежнему в тени, и будто еще холодней на пару градусов стало. Жду солнца изо всех сил, а оно медленно движется, еле-еле с вершины горы вниз спускается.

Небольшой валун на краю балкона лежал, так, веришь-нет, на него вскарабкался, вверх вытянулся, руки поднял, жду изо всех сил, когда солнце до меня достанет.

И вот ближе, ближе... Аж подпрыгнул.

Реально метров на семьдесят вниз с того балкона можно без помех кувыркаться. А я вверх подпрыгиваю, как умалишенный, солнце достать хочу. Когда свет на ладонь лег, ощутил сразу как рукопожатие, и душа мигом отмякла, будто разморозило ее. Стою – руки вверх держу и радуюсь со страшной силой, ничего больше не надо.

Он снова нырнул в дым.

– Протимоскитная обработка плюс тепло! Сейчас... смотри-смотри... полезет сейчас!

Из-за вершин деревьев блеснула красная полоска, и тотчас была проглочена голодными тучами.

– Повидались! – по детски улыбнулся Адмирал. – Ничего, развеется часам к десяти все равно. Давай завтрак по-быстрому готовить и вперед!

После завтрака Мара снова направилась напрямиком к байдарке Николая, несмотря на то, что вечером отношения их с Сергеем, вроде бы, восстановились. Похоже, у человека привычка вставать не с той ноги. Однако видеть перед собой целый день идеальную фигуру девушки-сфинкса Николая не вдохновляет, ну ее, пусть Надин садится.

Он преградил дорогу:

– На адмиральский корабль иди. Твое место там.

– Не ты здесь решаешь.

– В мою лодку не сядешь, ясно?

– Нет вы посмотрите на этого человека, – возмутилась Мара, – я его взяла в поход, а он теперь меня в лодку не пускает. Сергей, почему молчишь?

Адмирал что-то буркнул и отвернулся.

– Надин, прыгай, отчаливаем, – скомандовал Николая.

Не глядя на подружку, Надин быстро шагнула с берега на переднее место.

Байдарки выстроились одна за другой вдоль русла реки. Маша с Ирой оказались замыкающими. Они пристроились в хвост Артуру, ни на метр не отставая.

Мимо то проплывали влажные луга, покрытые зеленой сочной травой, то к самой воде подступал густой лес, и длинные ветви деревьев свешивались над байдарками так низко, что приходилось нагибаться.

Внезапно из-за поворота на них с ревом выскочила моторная лодка. С надсадным ревом заложила вираж вплотную к байдаркам, подняв высокую волну, и еще один раз, пронеслась совсем близко. Моторкой рулил пьяный парень.

– Носом к волне! Станьте носом к волне! – закричал Адмирал.

Все, кроме Маши с Ирой развернулись, а те загребли вразброд. Их закачало.

Меж тем моторка опять пошла на байдарки.

Адмирал выхватил ракетницу, встал, направил ее в парня.

– Не стреляй, – закричал тот, быстро свалившись на дно лодки.

Оставшаяся без управления моторка вильнула, понеслась к берегу, на страшной скорости выскочила вся целиком, рубя винтом песок и корни деревьев, после чего заглохла.

Вновь наступила тишина.

– Оказывается, мы вооружены, – обрадовалась Надин. – Здорово Серега его напугал! Ничего себе, пистолетик! Правда?

– Ракетница.

– Ну и что, что ракетницу. Как долбанет в лоб ракетой!

– Если в лоб, то да.

– А пусть не лезет!

Для проведения обеда причалили к правому, обрывистому берегу. Наверху, на самом краю, белело одинокое разрушенное здание без крыши. Не очень большое, но высокое.

– Поднимаемся, там есть сухие доски для костра, – скомандовал Адмирал.

Они взобрались на холм. Далеко, до самого горизонта зеленым густым ковром виднелись леса на левом берегу.

– Часовня, – пояснил Артур, – кстати, балки все еще в неплохом состоянии. По всему видно недавно и крыша была.

– А сейчас маршрут туристический проходит, знакомство с историческими ценностями прошлых эпох, – хмыкнул Адмирал, – эту плаху берем и рубим для костра, ее одной хватит. Прочие не трогайте, в другой раз сгодятся. Сначала власть отобрала часовню, выстроенную на народные сбережения под свои нужды, а ныне народ в обратную сторону

растаскивает по кирпичику, по досточке. Так сказать, восстанавливаем статус-кво.

– Прямо как в церкви, – Маша воздела глаза к небу, блиставшему наверху, напрямую из круглого свода.

Проплывавшие облака смотрелись из часовни райскими кущами.

Николя удивила величественная стройность порушенного здания, вдали от человеческого жилья на высоком берегу реки среди лесов и болот, будто и созданного не людьми, а неизвестной сказочной силой. И в то же время, очень нездешними смотрятся высокие стены, будто привнесены откуда-то согласно указанию неведомой воли, насильно внедрены и потому так легко отвергнуты.

– Наверное, и бракосочетания совершались, – принялась выдумывать Маша напропалую, расширенными глазами оглядывая стены и прикасаясь к ним пальцами, – кто-нибудь венчался, а теперь это место разорено. Жалко, наверное, тем людям смотреть...

– Давно умерли все, кто здесь венчался.

– Вот тебе бы, Мара, жалко было узнать, что тот ЗАГС, в котором вы с мужем брак зарегистрировали, к примеру, сгорел?

– И документы сгорели? Где мы расписывались?

– Все-все.

– Жалко, конечно. Попробуй потом копию снять в случае чего, когда потребуется.

– Вот, а здесь люди венчались по-настоящему, перед Богом. В ЗАГСЕ что? Расписались, под марш Мендельсона шампанским чокнулись, конфеты по карманам рассовали быстро-быстро, и скорее в ресторан гулять. И то жалко. А здесь царские венцы на головы одевали жениху и невесте. Когда буду замуж выходить, обязательно в церкви обвенчаюсь, что бы на всю жизнь. Собственно, если разобраться, перед Богом, Мара, вы со своим мужем еще как бы и неженаты вовсе.

– Адмирал тоже, почитай, неженатый грешник, – изумился Артур, – это дело надо срочно исправлять. А ну, встаньте-ка передо мной. Так, за руки возьмитесь, – он влез на балку возле стены, остальные располагались ниже, на земляном полу часовни.

Как ни странно, Сергей с Марой подчинились: встали рядышком.

– Согласна ли ты, Мариамна, стать женой раба божия Сергея, быть ему верной в радости и горе до самого последнего вздоха?

– Согласна.

– Согласен ли ты, раб божий Сергей, взять в жены рабу божью Мариамну?

– Согласен.

– Помолимся господу нашему и просим его благославить брак сей, и ниспослать на вступающих в него небесную благодать. Господи, Боже наш, славою и честью венчай их! С именем божьим отныне вы являетесь мужем и женой. Поцелуйтесь в знак сего ... так, хорошо. Кто еще желает обвенчаться до обеда? Что, нет желающих?

Желающих больше не нашлось. Присутствующие молча сделали вид, что поп-расстрига случайно смолол чепуху в ответственный момент.

Адмирал с Марой все еще стояли, взявшись за руки, опустив головы. Словно бы пораженные краткостью церемонии и желая ее дальнейшего продолжения, с троекратным обводом пары вокруг аналоя, который бы послужил знаком духовной радости и торжества.

Точно так же держась за руки, с опущенными головами, вышли из часовни. Сразу за ними в полном молчании следовали свидетелями таинства Николая с Надин, Ира и Маша.

Расстрига объявил следом:

– Бутылка рома с вас к вечерней зорьке!

На последнем ужине доедали все припасы, чтобы с утра без завтрака в два счета добраться до базы. Тушенки в гречневой каше, к удовольствию Николая, оказалось даже больше, чем каши. Дождя не было. От леса исходил густой, вкусный запах грибов, как в августе месяце, река плескалась крупной рыбой. Костер горел на славу.

Адмирал открыл свадебную бутылку рома.

– Горько! – сказала Ира.

– Горько-горько!

Будто бы находясь на большой свадьбе, в присутствии многочисленных гостей, Адмирал с Марой скромно поцеловались.

Артур, выпив ром, морщился:

– Маша, Ира!

– Чего? – хором ответили девушки.

– Чего-чего... нет у нас огурчика малосоляного... что ли?

– Ром бананом закусывают. А бананы здесь не растут.

По причине отсутствия бананов, певец исполнял в тот вечер грустные, завершающие песни, настроив коллектив на минорный лад.

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.

Тих и печален ручей у янтарной сосны.

Пеплом несмелым подернулись угли костра,

Вот и окончилось все – расставаться пора.

И опять девушки Маша с Ирой смотрят на него во все глаза.

Сегодня Артур поет Ирине, для восстановления равновесия. Певец вообще легкий человек, живет играючи. Ирина быстро поняла, что сегодня вечер ее, а Маша по-женски не верила, что так бывает. Кидала на подружку уничтожающие взгляды. Но Ира здесь не при чем, просто сегодня ее очередь настала, в ее честь поют, чтобы никому не было обидно за пустой поход. Чтобы спустя некоторое время: месяц, неделю, год, или даже лет через пять снова потянуло надеть рюкзак, отправиться черт знает в какую глушь, а там

вечерком у заветного костра посидеть, песенки послушать, которые будут петься исключительно ей одной. А может и не ей даже, но все равно... сидеть, ощущая прежнюю, волнующую радость.

*Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретишься со мною?   8)*

Артур негромко, нежно перебирал струны, трогая прямо за сердца. Глаза Иры ликовали. Маша смотрела в сторону реки, а Сергей с Марой сидели обнявшись так близко, что щеками касались друг друга. Надин заморозила руки в реке, отмывая посуду, и потому сунула ладони под мышку Николая, обе сразу, отогреть. У того и в мыслях нет отбрыкнуться, напротив.

Венчавшиеся ушли в свою палатку.

– Я сегодня с вами сплю, – сказал Артур Ире с Машей, – не хорошо тревожить молодоженов. Не по человечески будет, правда?

– А я? – удивилась Надин, – тоже что ли?

– Пустим, не жалко, – разрешил Николай, – в тесноте, да не в обиде.

*А все кончается, кончается, кончается,
Едва качаются перронов фонари...
Глаза прощаются, надолго изучаются,
И так все ясно – слов не говори.   9)*

На щеках Маши блеснули полоски. Она встала, ушла далеко по берегу реки. Совершенно напрасные душевные метания ни к чему хорошему не привели – никто за ней не бросился уговаривать вернуться, Артур пел самые лучшие, самые притягательные песни, какие выдумало передовое, путешествующее с рюкзаками, человечество.

Трудно таскать лодки от реки по кочковатому болоту в сплошном тумане от реки к озеру в восемь часов утра, после раннего марш-броска по реке, без завтрака. Особенно, если абсолютно не выспался в холодной палатке, как всегда оказавшись крайним.

Трудно, но надо.

И они их перенесли. Когда снова сели в лодки и поплыли в плотном озерном тумане, отчетливо слышно было, как с весел срываются капли воды, теплой-теплой, после ледяной речной, вот тут стало хорошо и уютно. Почти дома.

На середине пути обнаружили Герасимыча в казанке с удочками. Рыбак молча замахал кулаком, охраняя утренний клев от их радостных приветствий. Человек оставил золото да алмазы, предпочтя добывать свой

завтрак трудами праведными, а эти на байдарках только дурью маются. Хорошо еще, что девушки не пели.

Надин замерзла в палатке, скукожилась теперь на носу.

У Адмирала в палатке тоже один спальник. Неужели Адмирал захватил его в свою пользу и не пустил венчанную на постой? А что? Все может быть. Вон Маша же не пустила Артура в спальник к Ире, сама дрыхла всю ночь спокойненько на пару с подругой, в то время, как гитарист, в конце концов, устроился между Надин и Николая.

Меж тем, на берегу их ждала торжественная встреча.

Команду выстроили в нестройную шеренгу, переминавшуюся с ноги на ногу, и в эту минуту они походили на бывалую разведгруппу, вернувшуюся с «языком»: мокрые, грязные, но бодрящиеся в своих боевых походных костюмах. Роль «языка» исполняла опять же Мара. Будто ее приволокли сюда без спроса – горбилась в строю, смотрела под ноги, на шутки не реагировала.

Необыкновенно веселый с утра пораньше врач лагеря и маленькая женщина с большим животом, имевшая позывной «Кастрюлька», поднесли на подносе стаканы с гранатовым соком, а так же вручили маленькие значки туриста третьего разряда.

Николя положил свой значок в карман.

– Не забудь потом вытащить, – буркнула Надин, – а то сдашь с одеждой награду за храбрость.

Сергей осторожно обнял беременную жену. Роста оба невысокого, почти ровня, а когда обнимал, пришлось согнуться осторожно над животом, отчего стал даже чуть ниже супруги.

Все чувствовали неудобство минуты, наперегонки ринулись к столовой. Мара с Надин первые.

Получалось, что здесь, на турбазе не церковный брак с беременной женой значительно перевесил венчание, хотя в походе казалось по иному. За время церемонии встречи Адмирал не посмотрел на Марочку ни разу. Он сделался моложе и ее и своей жены, совсем будто мальчик белобрысый, со вчерашнего дня нечесаный.

Солнце висело яркое, но туман уплотнился настолько, что озера вместе с лодкой Герасимыча и лесом на противоположной стороне не было видно до десяти часов.

7.

Завтрак Надин провела в задумчивости, что, впрочем, явилось лишь слабым отражением туч, скопившихся на лице Мары, где вот-вот хлынет проливной дождик.

– По какому случаю траур, девушки? – как ни в чем не бывало, поинтересовался Николая, – смотрите, какая запеканка вкусная, и салфетки и скатерть белая, в походе о таком, небось, и не мечтали!

Ему не ответили, не улыбнулись даже, смотрели мимо Николая и запеканки, во вчерашнюю жизнь.

Влюбленная Мара мечтала быть не просто любимой Адмиралом девушкой, а единственной его любимой. Как в походе. Настал в ее душе такой момент. И ужасно обидно сознавать ныне, что она не только не единственная, а даже второй является после жены. И Адмирал не около нее поет, а вокруг жены крутится беременной. Как тут не переживать? Как не хмуриться? Еще чуть-чуть и заплачет горячими слезами в два ручья.

А Коля ни черта еще в жизни толком не понимает, улыбается, запеканку наворачивает за обе щеки – счастлив человек малым, простыми чувствами легко обходится, сложными не обзавелся, но со временем тоже проявятся обязательно, это же естественно, как любить и быть любимым.

Надин вздохнула.

Когда дело дошло до какао, оладий и сметаны, она тоже приободрилась, глядя на Николая, перемазавшегося в сметане.

– О, я придумала! Давайте устроим праздник? Для души? Сегодня вечером? У нас в комнате?

– Только без рома, – произнесла Мара еле слышно, – уже с души воротит.

– О, идея, сделаем наконец-то коктейль «Гавана клуб»! Давайте прямо сейчас в город рванем, накупим фруктов на базаре, рома еще и книжек по программированию. И на лекции вообще ходить не будем! Наша преподавательница местно-московская все по одной книженции шпарит, один к одному, вплоть до ударений. Чего, спрашивается, у нее в классе комаров кормить?

– Ага, будем валяться на пляже, загорать! – размечтался Николая.

– Ты меня кремом будешь обмазывать солнцезащитным, крема за одно купим, – поддержала Надин.

– Обмажемся, обнимемся и уснем.

– На пляже?

– А что? Палатку поставить можно. Позагорали, искупались, снова позагорали, отобедали, поспали, снова позагорали! Вот это я понимаю приятно провести учебное время!

– Размечталось вам! – думая о лично неприятном, обиделась Мара, словно мечты ближних и есть главная причина всех ее бед.

– Не бойся, и тебя намажем.

– Спасибо, не надо. А впрочем... давайте, действительно, соберемся после ужина.

– О, Ни кола – ни двора, едем в город! Губы вытри, весь в сметане, чучело гороховое!

Вечером собрались на девчоночьей половине всем походным составом плюс доктор с девушкой. Из рома сочинили коктейль, пусть не истинный «гавана клуб» по рецепту на наклейке, но тоже очень недурно получилось. Доктор поразил всех мужчин, приведя с собой очень молодую и чрезвычайно полную курсистку. Когда Николая встречал ее прежде где-нибудь в столовой, или на занятиях, то старался при этом прямо не смотреть, дабы не смущать лишней раз человека.

Можно, конечно, сказать, что она пухленькая или толстушка, однако, куда ближе к истине находится сравнение, что бедняжка раздута, как воздушный шар на взлете. И руки и ноги и туловище. Лишь голова нормальная, с миленьким скромным личиком. Тоже округлым. Зовут Наташа.

Ей самой, очевидно, казалось странным и непонятным, что доктор столь истово ухаживает за ней, она жутко стеснялась с непривычки ощущать мужское внимание, когда не в силах сдержать переполнявших чувств, он брал благоговейно Наташины маленькие пальчики и подносил к губам.

Для поддержания разговора с новенькой в компании, Николай заговорил с ней по теме учебы:

– Наташа, вам нравится операция «стринг»?

– Очень.

На молчаливый вопрос Артура, когда мужчины вышли на крыльцо покурить, доктор лишь усмехнулся.

– Э, ничего не понимаете в женщинах.

Зато в отношениях Марочки и Адмирала никто не сомневается: здесь все предельно ясно. Меж ними продолжает развиваться грандиозная любовь, которой не мешает ни близкая жена Адмирала, ни далекий, но тоже ревнивый муж Мары. Они оба уверены, что отныне навсегда вместе. Плотной стеной их окружает утренний речной туман, за которым никого, кроме друг друга, они не видят.

Артур посматривал в их сторону с сожалением, будто ожидая неприятностей. И кому как не ближнему другу заранее предчувствовать. А мог бы и заботу проявить, к примеру, взять и закрыть входную дверь на крючок. Но слишком увлекся пением песен для Маши с Ирой, окончательный выбор между которыми все еще не сделал, зато был в ударе: весел, находчив, чертовски остроумен, успел напеть и наговорить любезностей обеим, кроме того много и вкусно ел, короче чувствовал себя на крутой волне. Несло его.

Неприятности, которые Артур один раз тихо предсказал Коле, начались около одиннадцати часов вечера.

Они оказались большими, чем мог себе предположить любой участник вечеринки, несмотря на малый рост жены Адмирала, ворвавшейся в котедж грозной фурией посреди всеобщего веселья с пением под гитару песни, валяния на постелях в верхней одежде, но свободных позах, и бесконечного поедания друг на друга влюбленными взорами при этом.

Фурию ни капли не интересовало насколько ласково смотрит спортивного вида доктор, как всегда одетый в синий тренировочный костюм, на молодку, держа ее пальчики у своего сердца. Что ей посторонние, когда муж, ее собственный муж...

Она подлетела к парочке, сидящей друг против друга со стаканами коктейля в руках, потягивающих его непрерывно и также неотрывно сосущих друг друга взглядами.

А те даже не заметили, что жена стоит рядом! Расслабились, да расчувствовались возлюбленные люди! Какая беременная супруга в состоянии перенести подобного рода взаимоотношения между собственным мужем и посторонней красивой женщиной? К тому же утаивание отрицательных эмоций вредно в ее положении, хотя и вне положения бывшая туристка сдерживать себя не привыкла, тотчас схватила подушку и принялась молотить “змеюку” по голове, чего Мара совершенно не ожидала.

Что тут началось! То есть сначала все просто окаменели на своих местах, ошарашено следя за тем, как прическа Мары в какую-то секунду: рр-раз! Да два! Да еще на тебе три! Разлучница!!! пришла в полную негодность. Не снеся подобного грубого обращения, несчастная сломя голову бросилась вон из коттеджа, в полной мере ощутив, что ее и на втором месте не желают видеть, и Адмирал не посмел встать на защиту любимой – действительно, как бороться с беременной женой? Вопрос. Что хочет, то ест и пьет, за исключением алкоголя, кого хочет, того и колошматит подушкой по башке, что мужа, что подружку его.

После успешного изгнания соперницы женщина не утихомирилась, приступила к лупцеванию Сереги без всякого снисхождения к адмиральскому байдарочному чину и званию туристического начальника, только пух полетел, а он даже не прикрылся рукой, как сидел, так и продолжил сидеть с равнодушным выражением лица, лишь голова моталась слегка из стороны в сторону. “Бей, – говорила его отрешенная от мира сего поза, – хлещи, я все стерплю! Все унижения превозмогу!”.

Таким образом Адмирал пытался взять весь удар ревности на себя, чтобы жена на нем притомилась воевать, выдохлась и других уже не колошматила. Достойно поступил, по адмиральски.

А было ему удивительно в данный момент сознавать, что когда-то, да совсем недавно еще, жена в образе девушки необыкновенно ему нравилась, и он ее пламенно любил, правда-правда любил и страстно мечтал жениться.

Сколько песен посвятил долгими походными вечерами и ночами! Даже сам написал две или три, чего прежде с ним никогда не случалось. Значит, было чувство? Необыкновенное! Очень-очень хотел жениться на этой взбешенной сейчас особе, с неприятным злым лицом, огромным животом, которая лупцует его при всех подушкой по голове не больно, а обидно. Наказывает за провинность как домашнюю собачку, сделавшую на ковер в комнате, куда и входить ей позволено не было: получи, дрянь такая!

Нет, теперь он не понимает себя недавнешнего: «Как можно быть настолько глупым?» – говорил терпеливый, отведенный в сторону от всех взгляд.

Подушечный пух летал по большой комнате в лучах закатного солнца, низко севшего на ближний лес, с любопытстве глянувшего в огромные рамы коттеджа.

Даже солнцу пронзительно ясно, что Адмирал – человек хороший, душевный, немного сентиментальный, очень романтический по молодости лет, и в трудную минуту не бросит, будет стоять до конца, а кроме того умеет ценить прекрасное и поёт замечательно, такой-то вот и нужен женщинам для обустройства семейной жизни, но влюбчив очень, ах, ты, боже мой, как влюбчив! Нельзя же так! А попробуйте-ка сами в столь романтических обстоятельствах, при песнях у вечернего походного костра не влюбиться в красивую девушку, сидящую рядом и уже влюбленную в вас! Очень трудно устоять, усидеть совершенно невозможно!

Так, благодаря своей хорошестьи попал ныне в жутко отвратительную ситуацию, выпутаться из которой непонятно как. Что самое прискорбное – сам выхода для себя достойного не видит. Одну любит до безумия, а другая уже беременна, вот вам хоть по христианской вере, хоть по гражданскому законодательству – ловушка для молодых обаятельных мальчиков, будущих Адмиралов в особенности.

Прочим посторонним людям, уже допившим свои коктейли, однако сделалось невмозготу наблюдать далее семейную сцену, так что Николая поспешил на выход вслед за Надин, доктором и его спутницей. Артур давно куда-то ушел по делам с Машей и Ирой.

У адмиральской жены по мере дальнейшего лупцевания образовалось столь зверское выражение лица, что поневоле возникали посторонние мысли, кого она может в таком положении родить?

Что и говорить, экипаж поступил дурно – все без исключения сочли за лучшее оставить место наказания, бросив своего командора на произвол судьбы. Даже доктор Саша, улыбавшийся сперва одобрительно и поддакивавший с целью разрядить ситуацию: “Так его, так и еще вот так! Молодец!” – видя, что в комедию трагедия никак не желает оборачиваться, поскутнел и, приобняв подружку широким жестом, решил удалиться.

На улице Надин предложила:

– Пойдем к вам зайдём что ли, а то комары...

Они обогнули коттедж и зашли на мужскую территорию, где пребывали Герасимыч, тоже принявший дозу рома, мирно спящий в походном виде на своей кровати меж утренней и вечерней зорьками, Володя, а также... Мара.

Она пряталась от жены любимого человека. Слышимость позволяла отчетливо различать каждый удар подушкой и соответствующее восклицание.

– Я твою лавочку прикрою!

Все гости и хозяева покинули комнату, сторонних звуков уже не доносилось никаких, кроме чисто семейных комментариев жены. Адмирал беззвучно сносил наказание.

На каждый очередной хлопок Мара вздрагивала, будто Серегина жена ее саму лупцует.

– Я тебе покажу, походы! Ты у меня поплаваешь! Забудешь, как с девочками по палаткам ночевать! Где твоя подружка походная? Бросила тебя? Сбежала? Сейчас найду! Она свое получит!

– Не надо, – жалобно попросил Адмирал, – хватит, а?

– Тебя не спросили! Проходимец бессовестный! Небось и жениться уже наобещал?

Дверь хлопнула. Через секунду воительница, будто ей подсказал кто, дробно простучав шлепками по доскам лестницы, влетела на их половину. Мара едва-едва успела скрыться в чулане.

Жена ворвалась с прежней подушкой наперевес.

– Где она? Я знаю, она здесь! – и обвела раскаленным взглядом комнату.

Володя сидел на своей кровати, уткнувшись для безопасности в конспект. Одной рукой, к тому же, он опирался на костыль и чувствовал себя самым защищенным из компании.

Надин с Николая стояли посередине комнаты, взгляд беременной остановился на них.

– Говорите, где? Я чувствую ее запах! Выходи, не то хуже будет!

Адмирал обнял беременную супругу с тыла: вырвал подушку, и решительно охватив за руки, повел к выходу.

– Идем.

Под воздействием знакомой мужской силы женщина легко сникла, без сопротивления позволила себя увести, будто давно хотела, чтобы ее остановили.

Надин взяла подушку.

– Это, кстати, Марина.

– Поразительная история, – широко зевнул во весь рот Герасимыч, – сейчас только что мне приснилась.

Он лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок.

– ...представьте себе, будто Надежда Константиновна Крупская, Роза Люксембург и Владимир Ильич затеяли небольшой междусобойчик по выяснению отношений. Но взаправду, будто на партийном съезде схватились. Вроде бы на Лондонском. Ох и досталось Розанчику от Надежды Константиновны по-большевистски! Чудеса в решете! А, народ? Что вы такие? Случилось что? А чего все сюда набежали? Празднуете опять чего?

Песок на пляже накалился так, что ходить по нему босиком почти невозможно, зато лежать на покрывале весьма приятно: прогревает и снизу и сверху, не то что в походной палатке на реке. И комаров нет. И вода в озере теплая. Сплошной курорт. Николая задремал.

Горячие ступни прошлись по спине, оставляя песчинки, Николая поднял голову, глянул. Даже не обернувшись, Надин уходила на пару с Марой.

Николя снова уронил голову на руки. Прогревшись как следует, решил поплавать. Рядом в воду зашла Стюардесса.

– Поплыли на тот берег, – предложила она, бесстрашно кивая на озерные просторы, будто детский пруд-лягушатник.

Весьма лестное предложение, исходящее от главной красавицы группы пиэлистов, было сделано негромко, так, что слышно ему, ей и никому больше.

– А плаваешь хорошо?

– Хорошо, а ты?

– Я потихоньку, но берег там плохой. Говорят.

– Неужели боишься? – удивилась всей своей изумительной миниатюрной фигуркой Стюардесса.

– Нет, ивы затопленные стоят, сквозь них не выбраться, и вода очень холодная, – Николая не знал в точности какой на другой стороне берег, ранее не интересовался, но продолжал почему-то нагло врать с вежливой улыбкой.

Стюардесса прищурила глаза на дальнюю, сизую кромку.

– Да поплыли, выберемся как-нибудь, – сказала, будто приглашая к себе домой чрезмерно деликатного кавалера.

Тот продолжал идиотничать:

– А смысл?

Стюардесса фыркнула и отвернулась – была бы честь предложена, – вернулась загорать на песочек.

А Николая поплыл сначала вдоль берега, потом, перевернувшись на спину, пустился в необременительное прогулочное плаванье, рассматривая огромную голубую чашу неба, пока не наткнулся головой на чью-то мягкую ладонь. Это Фаина с Инессой сидели в лодке и придержали его, чтобы не протаранил их казанку.

– Коля, покатай нас.

Залез в лодку, навалился на весла, доставил девушек на середину озера, туда, где со дна били горячие источники, вода же имела цвет почти белый. Здесь плавала Надин. Одна.

– Греешься?

– Ага.

– Не горячо?

– А ты попробуй.

– Девчонки, давайте поплаваем в минералке, это полезно, – и тут же скользнул с лодки в воду.

Но подруги купаться отказались, поплыли дальше без кавалера.

- Сколько здесь метров глубина, как думаешь? – спросил Николая.
- Не задавай глупых вопросов, я плаваю только по-собачьи.
- А на воде лежать умеешь?
- Как бы сюда добралась? Три раза отдыхала.

Николя лег на спину, набрал в себя побольше воздуха, всплыл в верхний слой, разбросав руки и ноги в стороны, щурясь на солнце, повисшее прямо напротив. Надин последовала его примеру.

- Здорово, да?
- Отпад!

Обычно удаётся лежать минуту-две, затем ноги уходят в глубину, а здесь восходящее тёплое течение со дна легко поддерживает на плаву. Он глянул в сторону Надин. Та раскинулась звездой. Рядом с ним розовела сквозь воду ладошка с расслабленными пальцами.

Теперь, взявшись за руки, они мигрировали благодаря незаметному кольцевому течению вместе, по зеркально-спокойной глади озера, закрыв глаза.

– Представляешь, как сверху смотримся здорово, будто парим над толщей черной воды.

- Белой. А кто сверху увидит?
- Вдруг, Бог? Или Ангел? Или птица пролетит.
- Или жук майский ... будто в невесомости существую.
- Мне кажется, Бог сейчас видит, как мы путешествуем, взявшись за руки..

– Будто по небу тихо летишь с закрытыми глазами. Поплыли на другую сторону озера?

- А что там?
- Не знаю.
- Ну, поплыли.

Противоположный берег точно зарос тальником, и выйти из воды через эту чащу растущую из воды, можно только в одном месте, на крошечный песчаный пяточок, со всех сторон тоже окруженный плотными зарослями, как стенами. Вроде маленькой уютной комнатки, отгороженной от всего прочего мира по персональному заказу.

- Чудесное местечко.
- И песок чистый, да?

Лежать почти так же приятно, как плыть раскинувшись звездами на воде под солнцем. Николая снова взял ладонь Надин в свою руку. На воде можно лишь слегка вздремнуть, а здесь, на тверди земной, он расслабился полностью и незаметно для себя уснул.

Глаза открылись в темноте, сразу наткнулись на яркую луну. Кругом тьма кромешная, лишь поверхность воды светится, лунная дорожка раскатана от них до середины озера.

– Здоров ты дрыхнуть, – сказала Надин. – Поплыли на турбазу, али будем здесь шалаш строить? Рай организовывать?

- Поплывём. Сколько сейчас время?
- Ночь, молодой человек. В парном молоке плавать не пробовали?
- Класс водичка! И дно шикарное, люблю твёрдый песочек.
- Зайдя в воду по плечи, обернулся. Надин шла в фарватере.
- Поносить на ручках?
- Мог бы и сразу догадаться занести в воду... э-э... остороженько...

На кончиках пальцев Надин лежала в воде, как на сеансе у гипнотизёра. Он тянулся следом еле-еле доставая дна, слегка подпрыгивая, и в такт этим прыжкам Надин то погружалась в темную пучину, то всплывала, мгновенно заливаясь лунным светом бегущей следом дорожки, при близком рассмотрении целые реки и ручьи бурно стекали с поднимающегося со дна морского материка.

– У меня вода в уши наливается, – сказала Надин. – Погоди-ка...

И села на его руках, обняв за шею. Вес не ощущался совсем, лишь теплая свежая близость мокрого лица у его собственного. Щека иногда касается щеки. Это случайное явление, ибо находятся они в необычных условиях: ночь, вода по ноздри, всего два человека вдали от цивилизации – надо помогать друг другу. Нет, щека к щеке – вполне приемлемо, ничего здесь такого, хорошо даже, потому что... неизвестно почему. И держать на руках невесомую Надин очень просто и легко, даже легче, чем без Надин. Так целую ночь простоять можно, как одну минуту. Темно. Сам для себя человек исчезает, растворяется в теплой воде, ничего и никого не видя вблизи, когда вроде одна вода перед тобой остается, почти у рта тихо колеблется, играет: светлей-темней, совсем черно, блики перьями лунными рассыпаны. Глаза распахиваются сами собой до пределов, бездумно глядя на тихую ночную стихию, поглотившую собой все и вся.

– Погоди-ка, а теперь держи!

Взмахнув обеими руками в разные стороны, раскинулась на воде, безмятежно проваливаясь в пучину.

Николя поднырнул и взял как трудный волейбольный мяч на пальчики, начал осторожно поднимать уже исчезнувшую полностью наверх.

Всплытие происходит медленно. Колебание воды успело стихнуть, блики слились в лунную дорожку, и вот она, Атлантида, возвращается.

Поверхность воды приподнялась, надулась выпуклой огромной линзой, сдерживаемая поверхностным натяжением, и вдруг в двух местах сразу тончайшую, гладкую пленку воды пронзили соседствующие вершины, а следом, пред восхищённым взором всплыли под лунный свет из пучин два острова. За ними прорезал водную поверхность подбородок, нос, блеснули в его сторону глаза.

Он приподнял повыше, а потом отпустил. На этот раз Надин успела набрать воздуха, утонула не очень глубоко. Острова всплыли сразу, самостоятельно, а больше ничего на поверхность не вышло.

Николя убрал из-под спины пальцы. Острова продолжали плавать сами по себе, существуя на воде чудесным образом, слегка колыхаясь на одном месте. Гладкие, совершенные. Не очень высокие. Скорее даже маленькие, но

очень уверенные в себе. Таких чудес нет нигде на всём озере, да и во всем мире тоже едва ли найдешь что-нибудь подобное. Здесь они существуют непосредственно перед глазами Николая. Не сдержался, притронулся к одной из вершин.

Острова мигом утонули, зато вынырнула голова:

– Э-э, ты что? Нельзя! – она снова взобралась под водой к нему на руки, шепча: – Держи меня, соломинка, держи... О, глянь, лодка плывет... к нам. Тихо!

Действительно, медленно работая веслами, турбазовская казанка рыскала из стороны в сторону, держа курс, несомненно, в их сторону. По мере приближения выяснилось, что гребец – существо двухголовое, которое двумя руками гребет, а другими двумя одна голова обнимает другую за шею, как Надин сейчас обнимает Николая, сидя у него на руках под водой. Но что Надин обнимает, того никто не может знать, кроме Николая, а этих видно под луной довольно хорошо.

– Это Мара с Серегой, – вычислила Надин по только ей одной известным приметам. – В ночное поплыли от жены. Днем она его от себя ни на шаг не отпускает.

– Сюда плывут.

– Тогда нам надо тихо удрать, не мешать людям.

И вдруг над водой озера низко-низко пролетел женский испуганный крик:

– Се-ре-жа, ты где?

– Мамочки, его жена ищет! – сдавила руки Надин. – Приплыли!

– Се-ре-жа, ты куда?

Было в этом вопле гибнущее, предсмертно-тоскливое, отчего мурашки пробежали, несмотря на теплую воду.

Тучный пловец разделился пополам на две тени, одна исчезла на дне лодки, а другая, изо всех сил налегла на весла.

– Погодите же! – кричала где-то на том берегу невидимая жена, перекрывая скрип уключин и плеск воды.

Звуки быстро скользят по глади воды, легко догоняя беглецов. И столько в них дремучей страсти, столько боли, что романтическое венчание в разрушенной церквушке по сравнению с ними есть одна неверно взятая нота.

Лодка определенно правила к тому месту, где провели много времени Надин с Николаем.

– Поплыли?

– Стой. Думаю, нам лучше остаться, может, что вместе придумаем.

– Поздно.

– Почему?

– Не слышишь? Еще пара весел захлопала.

Следующая лодка пустилась в неверное ночное плаванье по лунной глади озера.

– С ума сошла! Ой, вот буча опять будет! Что-то надо делать.

– Кто здесь? – спросил Адмирал, суша весла.

– Мы, Николая и Надин.

– Отлично. Быстро садитесь в нашу лодку и плывите обратно навстречу к ней, а мы берегом домой побежим. Боюсь я за нее, последняя неделя.

Мара стремительно выпрыгнула из лодки на песок, Адмирал взял ее руку, и они отважно вступили в темноту чащи, как два очередных первопроходца.

Не тратя попусту времени, Николая громко зашлепал на встречу с женой Адмирала, которая тоже во все лопатки колотила веслами по воде и при этом громко ругала Мару, обзывая разными словами.

– В чем дело, что случилось? – крикнул Николая издалека, – мы можем чем-то помочь?

Жена перестала ругаться.

– А где Серега? – спросила она подозрительным голосом.

– Не знаем, – Надин не удержалась и с ядовитой серьезностью добавила, – где ваш Серега.

– А вы чего здесь делаете?

– Мы здесь на лодке катаемся по озеру в свободное от учебы время.

Жена озадаченно молчала. И то, так надрываться, а из-за чего, спрашивается?

– Сереги здесь нет, – поддержал разговор Николая, – вы, наверное, разминулись с ним где-нибудь.

– Точно... разминулись, – с болью отозвалась маленькая женщина, сжавшись в своей лодке, – ох, мне плохо как ... тошно мне, тошно, господи...

– А ну, перелазь к ней, да гребь быстрее к берегу, – скомандовала Надин, – осторожнее!

Николая изо всех сил пытался выполнить приказ, стараясь совместить несовместимые для подобных лодок качества – плыть быстро, но без рывков. Адмиральша, знай, твердила одно и то же:

– Ой, пришла моя смертынька... ой, пришла...

Надин здорово отстала, впрочем, о ней он как-то сразу забыл, стиснув зубы и мечтая об одном только, чтобы Адмиральша не начала рожать прямо сейчас на середине озера. Тогда точно смертынька придет, можно даже не сомневаться.

На берегу их боевой экипаж с раненой на борту встречали озабоченный муж и доктор. Адмиральша проявила стойкость, выдержку, столь необходимую в ее положении, удержалась от родов в лодке.

Там, на берегу все разом и прояснилось в первую же минуту по прибытию.

Оказывается, на самом-то деле было как? Муж ночью заподозрил неладное и побежал будить доктора, а жена в это время тоже проснулась, взяла, да уплыла кататься на лодке. Хорошо, что все обошлось. И даже

Адмиральша в ту ночь не родила, а утром муж отвез супругу в город, подальше от треволнений и остался с ней.

9.

Настоящее жаркое лето с ежедневной температурой за тридцать градусов продолжалось и после отъезда адмиральской четы.

Внутренняя сырость коттеджей выветрилась без остатка, туману заказано являться даже в низине возле умывальников, комары остепенились, но последнее, возможно, от того, что все без исключения густо мазались “Тайгой”, через каждые три часа, слой за слоем, смываемые только при купании.

Пляж на озере сделался любимым местом времяпровождения всех обитателей турбазы. Озерная вода чистейшая, теплая не только на середине от горячих источников, но и у берега прогрелась, песок за краткую ночь не успевает остыть, лежи – грейся в любое время дня и ночи: глаза прикроешь, так вовсе не отличить от курортной Анапы.

Курсисты - пиэлисты после занятий прибывали сюда полным списочным составом и отдыхали с коротким перерывом на ужин.

Гофман обстоятельно расположился на одной из пляжных скамеек, разложив по ней бумаги, сидел не раздеваясь, учился, строго поглядывая на купавшихся и никого не пускал к себе посидеть, за исключением Николая.

После отъезда Адмирала вместе с женой в город, Мара воссоединилась с Надин, вновь они стали неразлучной парочкой. Само собой, за исключением того особенного времени, когда Надин с Николаем уплывали на середину озера загорать там, лежа на воде, взявшись за руки. Туда Надин Мару с собой не звала. Николай не спрашивал почему, возможно та просто не умеет лежать на воде. Да и вообще. Вдвоем лучше, надежней. К примеру, начнут обе тонуть, кого спасать в первую очередь?

По такой отличной погоде Николай с Надин привыкли загорать рядом на воде, не глядя друг на друга, изредка перебрасываясь короткими фразами, в то время как подводное теплое течение плавно таскало их по кругу в центре озера, о чем можно догадаться из меняющегося положения солнца на небе.

Вот на лодке подплыли Инесса с Фаиной.

– Смотри, – сказала Фая, – красиво парят. Я тоже так хочу.

Николай приоткрыл один глаз, посмотрел.

Их разглядывали сверху, наклонившись на один борт, отчего лодка накренилась.

– У нас с тобой так не получится.

– Почему это?

– Мы однополые.

– Жалко.

- Да, здорово вам здесь загорать, – явно завидовала Инесса. – Лежи себе и грести не надо. Коля, научи нас плавать без движений.
- Прямо сейчас?
- Ага.
- Прыгайте в воду.
- А вдруг потонем? Небось, глубоко.
- Тогда не прыгайте, в лодке загорайте без проблем.

На берегу Надин с Марой прогуливались под ручку вдоль берега озера подолгу о чем-то разговаривая. “Удивительно, как можно часами говорить с одним и тем же человеком? – сокрушался Николая. – Часами и сутками бы говорили и говорили с серьёзными выражениями лиц, будто решают мировые проблемы”.

По жаркой погоде и доктор Саша сделался завсегдатаем пляжа. Вместе со своей девушкой он частенько сидел на одной из скамеек.

– Дорогая, давайте искупаемся, – уговаривал доктор Саша воркующе-нежным баритоном подругу на приятную процедуру, – сейчас самое время слегка охладиться в тёплой водичке.

Выпуклая девушка с милым детским личиком стеснительно зыркнула на пеструю публику и отрицательно качнула головой.

– Давайте попозже... народу много.

Врач Саша не смел перечить, лишь от избытка чувств вздыхал очень глубоко.

К Николаю подошли Надин с Марочкой. Лица разные: у Марочки – блаженное, у Надин деловое.

– Пойдем, у нас к тебе дело, – сурово позвала Надин.

– Далеко?

– На почту ходим.

На стене почтового отделения висел телефон. Опять же Надин попросила его позвонить в город, где находится сейчас Адмирал с Адмиральшей и новорожденным ребенком. И если трубку возьмет женщина, попросить Сергея к телефону, после чего передать трубку Маре. Такова вкратце несложная задача.

Но ответил сам Адмирал, поэтому Николая, ничего не говоря, сразу передал трубку Маре.

– Пойдем в магазин ходим, – потянула его за рукав Надин.

В пустом деревенском магазине под стеклом на самодельной витрине лежал величайший дефицит – большие шоколадные конфеты “Гулливер” с вафельной начинкой. Безумно дорогие, но в городе их расхватили бы за час и в драку. Сельские труженики сэкономили свои скудные средства, питаюсь с огородов и обходились на сладкое сахаром-песком, жёлтым, как кубинским ром.

Надин купила полкило. Колян подумал и тоже взял полкило.

– Зачем купил? – обиделась она, – я бы тебя сейчас угостила.

– Ты меня, а я тебя. Кульками обменяемся?

Вздыхнув, согласилась обменяться кульками из серой вощенной бумаги, всем своим видом показывая, что идея ей не нравится.

Пошли обратно на турбазу проселочной дорогой, на пустынной автобусной остановке присели отдохнуть.

– Да, не думала я, что у Мары так серьёзно закрутится, – сказала Надин, – она ведь очень спокойная по натуре, а тут вдруг – бац! Такая бесподобная любовь, просто страшно делается.

– Ага.

– Ты думаешь, чем у них кончится?

Николя, блаженно щурясь, хрустел вафельным гулливером, откусывая по половине огромной конфеты сразу, жевал полным ртом. Будущим Мары обременяться не желал.

– А что гадать? Конфеты вкусные, правда?

– Правда. Мне кажется, что такая любовь снесёт любые преграды на пути.

– Не знаю. В смысле жену или ребенка? Или обоих?

Надин промолчала.

Коля ел конфету за конфетой и не мог остановиться. Ужасно соскучился по шоколаду.

– Ты с ума сошел, все зараз лопать? Надо понемножку получать удовольствие. А то дурно станет.

– Всего-то полкило, на один зуб. Только-только распробовать.

Надин вздохнула.

– Коля, по гороскопу ты не Рыба случаем?

– Нет, а что?

– А то. В воде много лучше выглядишь, чем на суше, особенно на середине озера, где глубина, когда молчишь, как рыба. А вот на берегу, – она коротко взглянула, – на берегу... весьма... средне. Ну, наелся? Вставай, пойдем.

Коттедж был открыт, а внутри пусто, – так ему показалось вначале. Он прошел к своей кровати, где валялся конспект с книжкой, и стал искать в тетрадке листочек с практическим заданием. Пора заняться составлением учебной программы. На берегу озера, конечно. Вне пляжа он себя уже не мыслит. Может и правда, Рыба?

Вдруг наткнулся на чужой взгляд из темного угла и вздрогнул. Взгляд был не враждебный, но чрезвычайно равнодушный, будто у спящего с открытыми глазами, точнее говоря – спящей.

На кровати Красилова лежала длинная тонкая девушка в синих джинсах – из соседской комнаты, с повернутой в сторону Николая головой, и смотрела на него, не моргая, темными круглыми глазами, ни капельки не стесняясь.

Смотрела, как спала, остановившимся взглядом, будто не видит ничего, или не желает видеть. Почему он сразу не заметил? Не разглядел самого Красилова, сидевшего на краю своей кровати, согнутого, припавшего губами

к ее шее в длительном молчаливом поцелуе, после которого, по некоторому опыту, имевшемуся у Николая, остаются красные пятна. Да, умудрился не заметить Красилов, а только эти посторонние безразличные глаза.

Тут и Красилов поднял голову.

– Извините, – Николай поспешил выйти вон.

Следом на крыльцо выскочил Красилов. Зачем-то пошел рядом, взволнованно поправляя редкие пышные пряди:

– Ты понимаешь, я никогда не изменял жене, никогда прежде. Дожил до четвертого десятка и ни разу себе ничего не позволил, а сейчас понял – зря. Нельзя издеваться над природой, перекраивая ее под морально-этические правила, ломая себя через правое колено. А я ломал, хотел быть образцово-показательным, во всех отношениях примерным семьянином... Какая чушь! Радости жизни не знал!

– Иди, – не глядя в его сторону буркнул Николай, – оставил девушку, ей, небось, неудобно одной в мужской комнате лежать.

А Красилов обиделся.

– Я тебе душу открываю, а ты... – махнул рукой и побежал обратно в коттедж.

На пляже Николай сел рядом с Гофманом составлять учебную программу. Через полчаса она оказалась готовой: листочек неаккуратно исчеркан – перечёркан, да ладно, сойдёт, завтра на занятиях перепишет набело и сдаст преподавателю, сам на ВЦ не поедет, некогда. Вон Гофман ездит, так весь в распечатках теперь сидит, укутался в белое, как саудовский шейх.

– Всё, у меня готова программа. Пойду поплаваю.

– До готовности ещё долго, – тщательно складывая большие листы распечатки произнёс Володя, – я давно написал, теперь с ошибками разбираюсь. Смотри, сколько Пиэль сообщений об ошибках выдал после трансляции, целых два метра бумаги. А знаешь сколько томов руководства программиста толкуют всевозможные сообщения об ошибках? Двадцать или тридцать здоровенных книжечек! Сообщения на английском языке. Вот, почитай, понял чего-нибудь?

– Плавающее переполнение.

– Английский учил? Везет, я немецкий.

– У меня программа маленькая получилась, всего пятнадцать строчек.

– Повезло. А тут дали запрограммировать решето Эратосфена, семьдесят шесть операторов получилось.

– Кстати, у Надьки тоже решето Эратосфена, можешь проконсультироваться.

– Сам разберусь.

Николай нашел Надин на берегу. Она загорала в компании с Марой. Лицо закрыто книжкой.

– Слышь, у тебя решето Эратосфена?

– Чего? – удивилась Мара.

– Имеет место быть, – Надин сняла книгу, приветливо защурилась. – А что списать хочешь? Я уже программу сделала и сдала, зачет по практике получила.

– Молодец! – восхитился Николая, – а вон Гофман, смотри, как на скамейке ее программирует, весь в бумаге запутался, ошибок два метра с машины получил. Пойдем плавать?

– Сколько можно плавать? – удивилась Мара.

– Пойдем, – согласилась Надин.

– Предательница, – обиделась Мара. – Опять на середину поплывете? Утонете там когда-нибудь и достать вас не смогут с такой глубины.

– Водолазов вызовут, – обнадежила подружка, – среди водолазов тоже очень симпатичные мужчины встречаются. Представляешь, меня на ручках вынесет на берег водолаз, шлем бронзовый отвинтит и будет делать искусственное дыхание. А я буду лежать красивая и бездыханная. А Николая выплывет, он здорово плавает, будет рядом с водолазом стоять-плакать. Что завидки берут?

Надин пошла вдоль кромки берега, оставляя на мокром песке четкие отпечатки, состоящие из двух частей удивительной формы, которые приятно разглядывать. Он остановился, присел, осторожно притронулся. Из всех произведений искусства, творимых человечеством ежедневно, эти самые изящные, и одновременно легко исполняемые.

Надин обернулась.

– Плыдем?

– Плыдем.

У самого берега вода прогретая солнцем, затем с каждым метром холоднее, а ближе к середине снова потеплело, и наконец над источниками – как в горячей ванне с минералкой – пузырьки мгновенно покрывают тело, лопаются с шипением.

Разбросив руки в стороны, улеглись на воде.

Набрав побольше воздуха в грудь, Николая замедлил дыхание, прикрыл глаза. Фонтан бьющий на дне озера в такую жару доходил до поверхности, обдавая душем Шарко.

Против всех ожиданий, приятного лежания на воде не получилось – быстренько утонул. Всплыл, набрал побольше воздуха, снова раскинулся и неприятность повторилась.

– Плоховато лежится сегодня.

– Объелись, наверное, – согласилась Надин, – тяжёлой пищи. О, я знаю! Суп был пересолен, попал в кровь, а солёная вода тяжелее пресной, вот вам и результат: не лежится, не сидится, не танцуется ему! Я лично тону, как топор.

Он поднял голову. Рука Надин розовела поблизости, значит, пока не до конца утонула.

– Вода горячее стала, может из-за этого?

– Лопать меньше надо. Вон у тебя уже живот над водой торчит.

– Так воздухом специально надуваю плавательный пузырь.

Взял за руку.

Ни с того ни с сего началось прежнее легкое бесконечное кружение на воде, и мыслей в голове.

– Слышь, Надин, сейчас не тону. Даже ноги не тонут. А, ясно. Когда две лодки соединяют, получается катамаран, более устойчивое плавсредство, и здесь что-то в этом роде. Ну-ка, давай одними мизинцами держаться, утонем или нет?

Но и на мизинцах катамаран проявил непотопляемость. Так, слегка сочетавшись мизинчиками, с закрытыми глазами, они полностью доверились озёрному течению, которое ныне носило их медленными большими восьмёрками.

– Здорово живётся птицам, да? Раскинул крылья пошире и пари в высоте сколько хочешь, как мы сейчас.

10.

Ночью с Ледовитого океана нагнало туч, прошел холодный отрезвляющий дождь, какое вам Туапсе? Утром погода зябкая, опять с туманом и комарами.

В последний день занятий даже тем, кто не отладил своих учебных программ, поставили зачет по практике и выдали удостоверение об окончании курсов. Билеты были взяты на завтрашний поезд, погода ни к черту, на озере делать нечего. Курсанты решили заключительный вечер отметить на всю катушку праздником расставания.

Накупили рома, хлеба, Пасюк сдал в общую кассу остатки колбасы и сала с чесноком. Герасимыч рыбу горячего копчения из своей маленькой коптильни, сооруженной из обыкновенной бочки на берегу озера.

Он решил остаться на турбазе навсегда: здесь открылась вакансия завхоза, и Герасимыч плюнув на алмазное ВЦ, устроился жить при озере, рыбалке, коптильне и роме. Кроме него остался еще один человек из их группы: пухлая девушка с детским личиком. Говорили, что ради нее доктор Саша затеял развод с женой, после которого они собирались сочетаться законным браком. Во всяком случае, девушка перешла жить в домик доктора. Фаина с Инессой откровенно завидовали счастливице: доктор еще не совсем старый, к тому же веселый, вида спортивного, с таким можно и детей народить целую кучу.

Николя тоже сдал деньги на вечер расставания. Перед началом мероприятия к нему подошли Надин с Марой.

– Давай уедем в город? На квартире Артура собирается толпа с нашего похода, а оттуда завтра прямо на вокзал.

Николя посмотрел на Мару. Это она хочет на квартире у Артура встретиться с Серегой и соблазняет всех подряд по такому случаю ехать с

собой. А не появится ли в разгар веселья Адмиральша? Да не начнет ли лупить всех подряд подушкой? Или чем потяжелее?

– Без него я не поеду, – сказала о Коле в третьем лице Мара, – мне надо сервис везти.

– Большой сервис?

– На двенадцать персон.

Надин смотрела укоризненно: “Неужели не поможешь влюбленной девушке везти сервис?”

– Поехали, но предупреждаю, денег на сбрасывание у меня не осталось.

– На “Гулливере” прогорел? Говорила – не покупай, вот обжора несусветная!

– Там уже все есть, приготовлено, – на глазах воспрянула Мара. – Кстати, Маша с Ирой тоже будут.

Маша с Ирой недолго посидели в двухкомнатной квартире Артура и отбыли на вокзал к поезду. Артур вызвался их проводить. Проводил – вернулся грустный.

– Не захотели билеты поменять на завтра. Куда люди торопятся? Сами не знают.

– Ты обеим предлагал остаться? – сощурилась Надин.

– Конечно.

– Вот если бы одной предложил, она бы обязательно осталась.

– Зачем одной? Нет, пусть лучше обе уезжают, с одной мне потом проблемы будут.

Вдруг зазвонил телефон.

– Нет, его здесь нет, – доброжелательно произнес Артур в трубку, положил аккуратно. – Адмирал, тебя жена ищет.

– Пусть, – отмахнулся Сергей от звонка, как сумасшедший от надоедливой привидения.

Он глядел только на Мару, держал ее руку в своей, не отпуская ни на секунду.

До глубокой ночи Артур пел песни под гитару, все пили ром, потом у Надин разболелась голова, она легла на кровать в проходной комнате. Там стояла только эта кровать у окна, два стула, на противоположной стене висел ковер. Собственно, не комната, а коридор с окном.

В зале находился стол, за которым расположилась компания, стулья были, но прилечь негде. Мара с Адмиралом сидели друг напротив друга, взаимно гипнотизируясь. Николая хотелось спать, он не знал, где прилечь. Артур завалился вторым к Надин на койку. Чувствуя себя неловко третьим в зале с влюбленной парочкой, как у костра в походе ночью, Николая ушел на кухню. Если положить руки на кухонный стол, а поверх голову, можно немного вздремнуть. Только весь стол и мойка заставлены грудями грязной посуды. Он принялся мыть сначала из мойки, потом со стола. В проходной комнате тихо ругались. Домыв, Николая пошел глянуть: что там? Надин

сжимала обеими руками голову, видно боли были сильные и морщась говорила:

– Отстань, дай поспать.

Артур пытался расстегнуть на ней джинсы и стянуть их.

– Разденься, полегчает, – уговаривал он, – спать надо раздевшись, у тебя живот перетянут, это вредно для кровообращения. Расслабься, и голове сразу полегчает, вот увидишь.

Заметив Николая, Надин слезла с койки, сначала села на стул, потом держась за голову, ушла на кухню. Николай следом, налил ей чай покрепче.

– Ну как, Пиэль выучила? – насмешливо спросил, глядя в окно.

– Пиэль-Пиэль. Сяу-ляу-вей-мой, сяу-ляу-вей, гоу-леу-систый сяу-ляу-вей!

– Систый-систый, пей, давай, чай.

– Зачем я сюда притащилась? – спросила себя Надин. – Мару можно понять. Нет, я даже восхищаюсь ее решимостью. Она как в пропасть бросается, потому что захотела так. Но как она, прыгать не хочу. Зачем? Ведь изначально ясно, что бесполезно. Просто мучение себе на всю жизнь обеспечишь. И он тоже, будет без нее жить – мучиться. С ней жить, ребенка бросив, тоже мучиться. Нет, ни за что. Ясно это любому нормальному человеку, а ей хоть бы хны, закрывает глаза и бросается вперед, как в пламень. Даже завидно немного делается, правда.

На кухню заглянул Артур. Ноги Николая перегораживают узенький проход.

– Чаевничаете? Молодцы, правильно. Надин, пойдём-выйдем, мне надо тебе кое-что на прощание сказать.

– Иди, спи. Знаю я твое прощание.

– Да? Ну и ладно тогда. Я, это, пойду в ванну шубу постелю, лягу, а ты, Надин, можешь на кровати лечь.

Дверь на кухню аккуратно, по-хозяйски прикрыли.

– Если хоть чуть что-то не то, я никогда не кинусь, но каждый раз потом жалею страшно, правда. У тебя такое бывает? Вот чувствуешь, могло бы быть настоящее, надо только себя переломить и броситься, но зачем ломать себя? И уйдешь в сторону, а при прощании жалко, будто полжизни теряешь и что никогда уже ничего больше не будет. Так дурно делается, что голова болит, а Мара представляется самой умной девушкой на свете. Ладно, пойдём поспим. Если начнешь приставать как Артур, сразу на полу окажешься с переломом копчика. Дай руку. – Надин зацепилась мизинцем за мизинец, – все, ложись рядом, авось не утонем.

На вокзале Мара и Адмирал снова глядели друг на друга неразрывным взглядом. Артур провожать не поехал, остался дома, а Надин поехала. Хотя ее поезд уходил тремя часами позже, она решила дожидаться на вокзале.

Когда объявили посадку, Мара бросилась на Сергея, без разбора целуя щеки, нос, глаза. Николай отвернулся, Надин же смотрела внимательно, не щурясь.

Николя заташил в вагон ящик с сервизом и сошел обратно на перрон, Мара спросила его:

- Ну, а вы, водяные люди, прощаться когда будете?
- Мы давно простились, – ответила Надин.
- Когда?
- На озере. Правда же, Коля?
- Правда.

Дома Мару встречал муж, прямо у подножки вагона. Она прыгнула к нему на шею со ступеньки, оставив сумку, повисла, согнув ноги в коленках и принялась целовать мелко-мелко и быстро-быстро.

Николя внутренне констатировал, что Адмирала коллега целовала гораздо страстнее. Впрочем, и здесь неплохо. Он зашагал позади них, таща сундук с сервизом до очереди на такси, попрощался одним кивком, никому не глядя в глаза и устремился к трамвайной остановке, провожаемый подозрительным взором мужа. Уезжали втроем, а приехали вдвоем. Чем занимались? Пиэлем!

На работе они с Марой не пересекались недели две, потом она вдруг тормознула его в коридоре:

- Надин письмо прислала, про тебя спрашивает. Адресок дать?
- Нет. Будешь писать, передавай привет.

А лет через пять ему приснился сон.

Будто оказался он среди холмов, заросших травой, по случаю поздней осени трава эта тёмно-бурого цвета. Небо затянуто осенней пеленой, вечереет, моросит противный липкий дождь, и все кругом сочится холодной водой. Он стоит не на вершине холма, но близко от вершины, а далеко внизу проходит длинная, размытая долгими осенними дождями глинистая дорога, обе колеи которой доверху наполнены мутной коричневой жижей.

Даже просто так стоять и смотреть на эту голую, забытую богом и людьми местность тоскливо: ни домика, ни дерева, бурые пространства в пелене непрекращающегося многие часы и дни дождя. И скоро ночь. Но видит он в довершение ко всему еще, что по этой дороге, в непролазной грязи тащится Надин. Нет, не видит, потому как далеко-далеко это внизу, у подножия пологого холма, даже дорога ниткой поблескивает и вместо лица – тусклое пятнышко, направленное в его сторону – вверх, и одета в какое-то рубище, не видит, а точно знает, что она. Будто кто шепнул в ухо: “А вон Надин идёт”, и пропал, оставив их вдвоём далеко друг от друга на бесконечном вечеряющем пространстве.

Он стоит и смотрит, двинуться нет сил. А она идёт медленно-медленно, сначала, вроде, смотрела все время безотрывно, потом оглядывалась иногда, потом и не разглядеть стало.

И такая огромная жалость взорвалась в голове и груди, что он вскочил в темноте с семейной постели, а был в это время уже не первый год женат, ощущая внутри себя никогда прежде неведомую всеобъемлющую, щемящую, и одновременно радостную любовь к Надин, что аж ни вздохнуть, ни охнуть.

– Боже мой! – воскликнул громко, – как я люблю Надин!

– Что? – спросила жена из ближней темноты, – что ты говоришь?

И Николая, преисполненный чудесных ощущений, начал рассказывать ей свой необыкновенный сон про Надин и те громады чувств, которые он породил в душе.

– Ты мне сон рассказываешь? – уточнила заспанная жена.

– Сон, – согласился Николай, – но я так люблю сейчас Надин, что ты не представляешь!

– Завтра расскажешь, ладно? – умоляюще попросила жена.

Он понял, что ему срочно надо идти. Оделся и ушел из квартиры в ночной город, пребывая в совершенной уверенности, что обратно никогда не вернется. Ему надо к Надин, он должен, просто обязан немедленно идти к ней, она помнит о нем, она ждет его, он в этом уверен. И они будут счастливы. В самом радостном настроении шагал Николай по темным улицам. Во сне Надин медленно двигалась по размытой дороге, а у него под ногами асфальт, сколько надо, столько он и будет идти и непременно найдет ее.

Кажись, она из Воронежа. Значит он идет в Воронеж, решено.

А не проще купить билет и улететь самолетом? Но нет, идти надо сейчас, немедленно. И он шел. Дотопал до центра. Стеклопанные двери телеграфа были открыты, зашел позвонить Маре, узнать телефон Надин, ее адрес. Однако же ночью не вполне удобно будить людей, тем более, когда муж такой подозрительный. Ладно, позвонит утром, а сейчас надо срочно написать письмо Надин.

Посетителей ночью на телеграфе немного. Николай сел за столик, взял бланк телеграммы, и начал писать на обратной стороне письмо Надин, увлекся, исписал целую пачку бланков, рассказывая какой необычный ему нынче приснился сон, и какая необыкновенно большая нагрянула с небес любовь, нет, он конечно и раньше влюблялся раз сто и любил, как считал по-настоящему, на жене вон женился по любви, но сегодня его захлестнул океан. И он счастлив даже погибнуть в нем, если нужно, без малейших колебаний. Нет, ничего подобного раньше не бывало даже близко. Наверное, это и есть настоящая любовь. Все для него решено, он едет к ней сегодня же, как только рассветет. О, так уже рассвело!

Можно Маре не звонить, зачем человека подставлять, говорят, у нее большие нелады с мужем. Лучше на работе узнать и адрес и телефон и сегодня же уехать.

Николай вернулся домой, позавтракал тем, что оставила жена, уходившая раньше, и по привычке, как ни в чем не бывало отправился на службу, считая себя, однако, уже абсолютно свободным от всех обязательств прежней жизни. Внутри ему сделалось безумно радостно и легко жить.

Но Мара на работу не явилась, у нее заболел ребенок, и она села на больничный.

Прождал ее целую неделю, стесняясь звонить из-за ревнивого характера супруга. Все это время ему было неизъяснимо хорошо, свободно и

счастливого жить, но каждый новый день немного спокойнее, чем день предыдущий.

Когда Мара появилась на работе, он сразу изловил ее в тихом местечке, где можно переговорить спокойно, и спросил впервые в истории их отношений:

– Как твои дела?

На что Мара ответила просто и обреченно:

– Я развелась с мужем.

Николя сокрушенно пробормотал:

– Сочувствую... из-за Адмирала?

– Ты что? Про то давно забыто. Да и не было там ничего. Просто к другой ушел муж, знаешь как это бывает?

– Догадываюсь... А ты не могла бы дать мне адрес Надин и ее телефон?

– Надин? С Пиэля, что-ли? Эка вспомнил, уж и язык этот забыла, хотя два года, вроде, программировала. Кто же знал, что там Билл Гейтц в своем гараже изобретет? Телефона точно нет. Адрес дам, если найду. Мы с ней, собственно, и не переписывались. Она написала одно письмо, я ответила, что ты адрес брать не захотел, вот и все.

Адрес Мара действительно нашла, но в Воронеж Николая не поехал, пешком тоже не пошел. За две недели ночной фейерверк медленно и верно сошел практически на нет. Кое-что, впрочем, осталось.

Он начал посещать концерты бардовской песни, особенно те, что проводились на природе, местные фестивали, организуемые по нескольку раз за лето, на которые собираются в основном уже не очень молодые люди, местами с проседью в волосах, но пока блестящими глазами. Ездит один, без жены, бывает прихватывает за компанию Мару.

Когда исполняют: “Милая моя, солнышко лесное”, а эту песню там поют всегда, и не раз, у Николая непременно перехватывает дыхание, и снова откуда-то изнутри поднимается вал чувств, с которым трудно совладать. Он и не пытается: жутко-радостно делается жить на белом свете, хочется немедленно ехать к Надин хоть на ближайшем по расписанию поезде, и решить, наконец, всё раз и навсегда, а по дороге домой на электричке пыл утихомиривается, оставляя после себя нежность и тихое блаженство.

Дорога от фестивальной площадки до города не близкая, в переполненном вагоне на ногах стоять, как-никак часа два будет.

В повести использованы отрывки из песен:

1) Юрий Кукин “А все-таки жаль, что кончилось лето”

- 2) *Маша Мироновская “Баба-дура”*
- 3) *Юрий Визбор «Ты у меня одна»*
- 4) *Дольский “Исполнение желаний”*
- 5) *Борис Вахнюк “Зеленоватые глаза”*
- 6) *Александр Суханов, ст. И.Анненского “Моя звезда”*
- 7) *В.Вихорев “Я бы сказал тебе много хорошего”*
- 8) *Юрий Визбор “Солнышко лесное”*
- 9) *В. Канер «А все кончается, кончается»*